

Джейсон Гудвин
ВЕЛИЧИЕ И КРАХ
ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ
ВЛАСТИТЕЛИ
БЕСКРАЙНИХ ГОРИЗОНТОВ

Джейсон Гудвин
**Величие и крах Османской империи.
Властители бескрайних горизонтов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6250655

Джейсон Гудвин. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов:

КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2013

ISBN 978-5-389-02499-1

Оригинал: JasonGoodwin, "A History of The Ottoman Empire Lords of The Horizons"

Перевод:

М. Шаров

Аннотация

«Величие и крах Османской империи» – удивительная, как восточная сказка, и захватывающая, как детектив, история могущественной державы, некогда потоком лавы расплывшейся по карте Азии и Европы. Это грозное государство, непримиримый враг Российской империи, познало триумфы и поражения, великие свершения, дворцовые перевороты и гаремные интриги, пережило свой долгий великолепный век, прежде чем погрязнуть во лжи и коррупции и навсегда исчезнуть...

Содержание

Пролог	6
Часть I	10
1	11
2	17
3	24
4	29
5	38
6	42
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джейсон Гудвин

Величие и крах Османской империи

Властители бескрайних горизонтов

Эти песни не всякому придутся по вкусу, ибо они похожи одна на другую и во всех слышны одни и те же слова: герой, витязь, всадник, галерный раб, змей, дракон, волк, лев, орел, сокол и гнездо сокола; поется в них о мечах, саблях и копьях, о Кралевице, Кобиличе и Ждриновиче, о медальонах и ожерельях, о приказах, об отрубленных головах да об угнанных в рабство пленниках. Пусть же те, чьему слуху эти песни приятны, поют их, прочим же лучше отправиться спать.

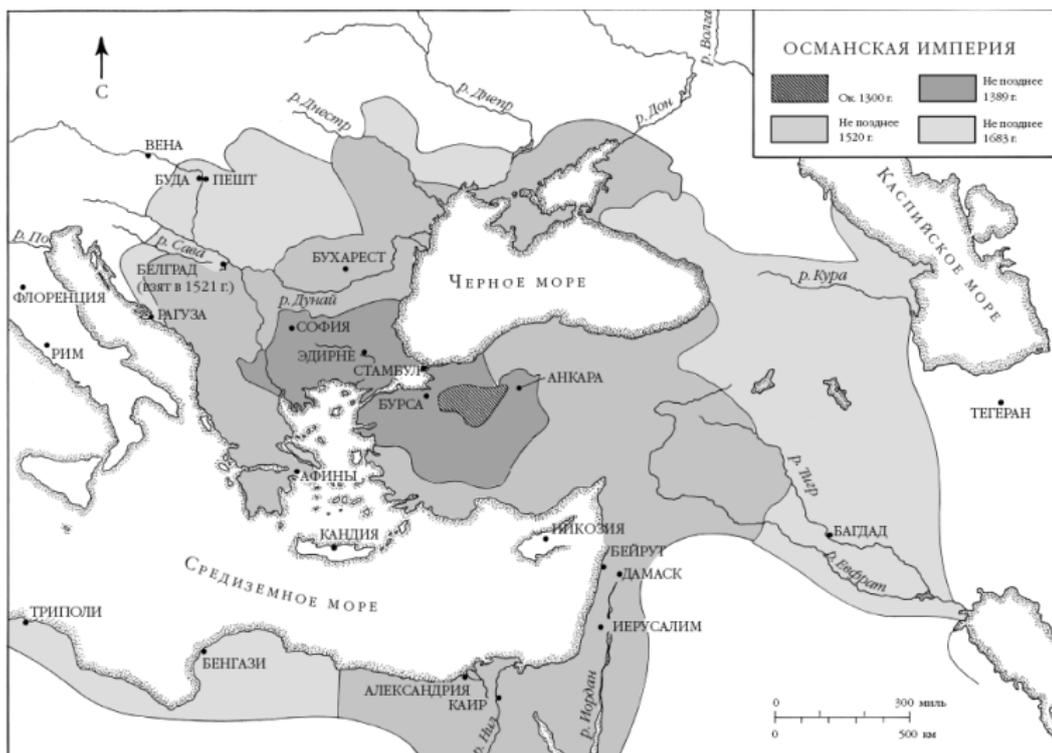
*Андрия Качич-Миошич. Приятная беседа народа славянского
Венеция, 1756*

В оформлении обложки использована картина Германа Давида Соломона Корроди «Закат над Галатским мостом и Новой мечетью в Константинополе»

Об авторе

Произведения британского историка и писателя Джейсона Гудвина отмечены самыми престижными призами. Первая его книга «Опиумные сады, или Путешествие по Индии и Китаю в поисках чая» в 1991 году вошла в шорт-лист премии Томаса Кука за лучшую книгу о путешествиях, а вторая, «Пешком к Золотому Рогу. Прогулка в Стамбул», в 1993 году удостоена награды Джона Ллевеллина Риса. Джейсон Гудвин – создатель детективной серии об османском сыщике Яшиме, переведенной более чем на 40 языков. Роман «Янычарское дерево» награжден американской премией Эдгара По (2007), две первые книги серии получили приз Эллис Питерс за лучший исторический детектив.

Пролог

Рядом с мечетью султана Баязида, что в Стамбуле, неподалеку от стен Капалычарши – Крытого рынка, стоит полуразрушенная византийская церковь. Под ее сводчатой крышей нашла приют небольшая кофейня. Укрепленные на стенах лампы освещают посетителей тусклым светом, а в открытую дверь виден огромный кипарис во дворе мечети, порфиновые колонны, а за ними, если приглядеться, вход туда, где правоверные, молясь, преклоняют колени.

В углу кофейни устроился маленький оркестр: флейта, альт, два барабана и треугольник; в другом углу натянута простыня, за которой горит фонарь. Перед простыней расставлены кресла, в которых восседают пожилые паши – кто в мундире, кто в длинном сюртуке-стамбулине и феске, и на коленях у каждого по несколько внуков. Позади пашей сидят важного вида старики в тюрбанах с трубками в руках, кучка гречанок и армянок, закутанных в бесформенные черные покрывала, и парочка сгорающих от любопытства европейцев в твидовых костюмах, которых доставило в Стамбул агентство Кука.

Еще немного, и на белое пространство простыни выскочат Карагёз и Хадживат – герои театра теней, османские Пьеро и Арлекин: фигурки на шарнирах, вырезанные из высушенной верблюжьей шкуры, раскрашенной и промасленной до полупрозрачности. Говорят, горбун-сквернослов Карагёз и его простодушный приятель Хадживат впервые вышли на сцену в 1296 году. Дело было в Бурсе, на строительстве Большой мечети султана Баязида; представления оказались столь увлекательными, что работы чуть ли не полностью остановились, так что султану пришлось приговорить охальников к смерти. Другие утверждают, что Карагёз и Хадживат от века жили в Константинополе (он же Стамбул) – даже во дни римских императоров. Есть мнение, что они – отголосок древней мудрости, дошедшей до наших дней в искаженном виде.

Мечеть Баязида XII

В нашей полуразрушенной кофейне ими управляет армянин – мим, комедиант и искусный кукловод. Его профессия стара; где только он не побывал! В Венгрии от его шуточек хохотали целые гарнизоны, в Египте им улыбался могущественный паша; он возил своих кукол, лампу и маленький экран в Ирак и Крым, доезжал с армейским обозом до предместий Вены, а на корабле османского флота доплывал до Алжира. Европейцам в твидовых

костюмах говорили, что порой он непристойно передразнивает иностранцев, говорящих по-турецки. Стонет флейта, взвизгивает алыт, армянки хихикают, детям не сидится на месте, и юноши-черкесы в одежде славных былых дней, то есть в жилетах и мешковатых штанах, с бритыми головами, обмотанными отрезами крашеного полотна, разносят чашки с кофе, запасы которого, по всей видимости, неисчерпаемы.

* * *

Это книга о народе, которого больше нет. Слово «османский» не относится ни к одной точке на карте. Никто не говорит на османском языке. Османскую поэзию понимают – да и то едва-едва – несколько профессоров. «У нас нет классики», – бросил в 1964 году один турецкий поэт на симпозиуме в Софии, когда его попросили познакомить собратьев по перу с каким-нибудь примером классической османской поэзии.

Османская империя разрасталась и затем клонилась к упадку шесть столетий. Из затерянного в холмах Анатолии бейлика, о котором в начале XIV века мало кто в мире слышал, она превратилась в государство, поглотившее остатки Византии и захватившее земли ее наследников: весь Балканский полуостров от Адриатического моря до Черного, Грецию, Сербию и Болгарию, а также Валахию и Молдавию к северу от Дуная. Была покорена Анатолия. В XV веке признанием крымскими татарами зависимости от империи и взятием Константинополя (1453) завершилось установление полного господства над Черным морем. В 1517 году османы завладели исконными землями ислама – Сирией, Египтом и Аравией вместе со священными городами Меккой и Мединой. Османская империя протянулась от Дуная до Нила, взяв под контроль торговые пути, соединявшие Ближний Восток и Европу.

В те годы это была империя исламская, воинственная, передовая и веротерпимая. Для тех, кто жил за пределами ее границ, в землях, именуемых в исламской традиции Дар-уль-харб, «Дом войны», она была источником непокоя и страха. Однако для народов, вошедших в ее подданство, Османская империя превращалась в Дар-уль-ислам, «Дом мира»; и настолько исполненным энергии и боевого духа было это государство, столь хорошо оно управлялось и столь удивительным воплощением человеческого гения представлялось современникам, что тем казалось, будто своим процветанием оно обязано силам все-таки не вполне человеческим – дьявольским или божественным, смотря на чьей стороне находился наблюдатель.

Однако в начале XVII века наметились первые признаки упадка. Средиземное море потеряло первостепенное значение в международной торговле и политике, исламский мир, казалось, впал в спячку. Народы Запада были разобщены и враждовали между собой, но именно эти дрязги толкали европейские страны на путь прогресса. В османском, то есть исламском, мире все победы были уже одержаны, все споры пресечены; закон был написан раз и навсегда, и османам, исполненным самовлюбленной гордости, оставалось лишь упрямо хранить верность прошлому.

Следующие три века существования империи сопровождалось предсказаниями ее неминуемого скорого конца, но она жила – дряхлая и обветшавшая, неповоротливая и насквозь коррумпированная. Она по-прежнему была удивительной страной – только теперь необычайным был ее упадок. «Государство сие превратилось в подобие старика, изъязвленного множеством болезней, которые приходят на смену юности и силе», – писал сэр Томас Роу в 1621 году. Изъязвленный старик, впрочем, пережил сэра Томаса на три сотни лет, а своих злейших врагов, Российскую и Габсбургскую империи – на целых четыре года. Только в 1878 году османы были изгнаны из Боснии; до 1882 года, пусть и номинально, османскому султану подчинялся Египет. Албания, лежащая на берегу Адриатического моря, в XV веке доставила пытавшимся усмирить ее османам больше хлопот, чем любая другая страна,

однако и в 1909 году албанцы избирали депутатов в законодательное собрание, заседавшее в Константинополе.

* * *

Османская империя была исламским государством, хотя многие ее подданные не были мусульманами и никаких попыток обратить их в ислам не предпринималось. Она контролировала торговые пути между Востоком и Западом, но сама не слишком интересовалась торговлей. Все считали ее империей турок, а между тем большинство ее сановников и военачальников, равно как и солдаты лучших частей ее армии, были балканскими славянами. Церемониал был византийским, титулы – персидскими, письменность – арабской, а богатство обеспечивал Египет. Современники не считали османов строителями, хотя один суровый великий визирь и прославился тем, что построил больше церквей, чем Юстиниан. У османов не было никаких рецептов улучшения сельского хозяйства, но при этом на завоеванных ими европейских землях сельскохозяйственное производство резко возрастало. Они в большинстве своем не были религиозными фанатиками, придерживались умеренной ханифитской школы суннитского ислама. Султаны читали жизнеописания Александра Македонского, но не особенно интересовались прошлым¹. Однако Мехмед Завоеватель был примером для молодого Ивана Грозного, а венецианцы, которых всегда интересовало, как устроена жизнь в разных землях, восхищались разработанной Мехмедом системой государственного управления, находя ее идеально стройной и сбалансированной.

Империя намного пережила эпоху своего великолетия. К тому времени как Наполеон высадился в Египте, мир считал ее такой же слабой, как Испания, такой же обветшавшей под мишурой древней пышности, как Венеция. Талантами империя не скудела, но им не удавалось найти столь же блестящее применение, как в былые времена. Ее лучшими морями были греки, самыми успешными коммерсантами – армяне. Ее солдаты, прославленные повсюду своей храбростью, находились под никудышным командованием. Государственные деятели работали в невыносимой атмосфере постоянной подозрительности. И все же империя дожила до XX века, хотя у нее не было ни белых скал Дувра, которые защищали бы ее, как Англию, ни общего языка, который мог бы сплотить ее, как Францию. В отличие от Испании Османская империя никогда не была предана иллюзиям религиозной чистоты, она не открыла ни американского золота, ни выгод атлантической торговли, ни паровой машины. В последние годы ее существования османы предпочитали переговоры принятию решений, традиции – новшествам и бесстрастное понимание устройства мира – всему тому, что было живого и прогрессивного на Западе.

Никогда, по всей видимости, процесс падения могущественной державы не освещался так подробно его свидетелями. Крымская кампания 1856 года, в которой Турция в союзе с Британией и Францией противостояла России, была первой в истории войной, на которую европейские газеты отправили своих корреспондентов. Царь Николай назвал Османскую империю «больным человеком Европы». Англичане Викторианской эпохи говорили о ней, используя безличный термин «восточный вопрос», и ответ на этот вопрос, само собой, призван был дать мускулистый джентльмен-христианин. Для многих европейцев, что вполне естественно, былая причина страха превратилась в предмет любопытства и даже восхищения, ибо кто же мог отрицать красоту застывшего в прошлом общества? Художники обнару-

¹ Посмертная слава, разумеется, их интересовала. При Мехмеде IV (1648–1687) состоял придворный историограф по имени Абди. «Султан всегда держал его при себе, поручив составлять анналы своего правления. Однажды вечером Магомет [то есть Мехмед] спросил Абди: «О чем ты написал сегодня?» Тот неосторожно ответил, что ничего примечательного, о чем стоило бы написать, в тот день не произошло. Тогда султан схватил копье и метнул его в одного зазевавшегося придворного, сильно ранив последнего, и воскликнул: «Ну вот, теперь тебе будет о чем написать!» (Кризи).

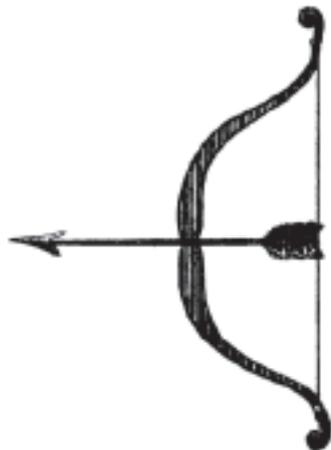
жили, что их зарисовки из жизни Леванта пользуются большим спросом. В XIX веке империя предприняла отважную попытку перестроить свою жизнь по западным образцам, чтобы, как многие верили, воспользоваться наконец могуществом западной магии; однако это усилие ее и доконало – слишком слабым к тому времени стало ее сердце.

* * *

В конце представления Карагёза кладут в гроб и хоронят, но, когда свет за экраном-простыней уже готов погаснуть, он сталкивает крышку, выпрыгивает из гроба и усаживается на него, покатываясь со смеху. Армянин-кукловод тушит лампу. Музыканты, сыграв громоздкое крещендо, убирают свои инструменты. Юноши-черкесы, еще недавно разносившие закуски, теперь обходят посетителей, собирая монетки, а маленькие внучки пашей, хихикавшие во время непристойных диалогов, пробираются к выходу.

Старый степенный кукловод, чьими руками творилось удивительное представление, известное под названием «История Османской империи», убирает кукол и уходит, оставив только экран – холмы и равнины Балканского полуострова, плоскогорья и берега Анатолии, священные города Мекку и Медину, пески Египта, степи Венгрии и серые, серые воды Босфора, что бьются о сваи Галатского моста.

Часть I Изгибы и арабески

1

Истоки

Великая евразийская степь, покрытая травами и низкорослым кустарником, простирается от границ Китая до берегов Черного моря. На севере ее сменяют хвойные леса и вечная мерзлота, на юге она окаймлена преимущественно пустынями. Со степной травой тяжело справиться земледельцу, да и погода здесь слишком изменчива для того, чтобы заниматься земледелием. Крупных рек практически нет, а в последние полвека, после того как советская власть взялась распахать степи тракторами, стали пересыхать и те, что есть, так что Каспийское море – огромный, не имеющий выхода в мировой океан соленый водоем, своего рода отражение безводной степи в воде – начало отступать.

Обитатели степей кочуют, перегоняя с места на место свои стада, живут в шатрах и передвигаются на коренастых выносливых лошадях, этаких степных тюркских пони (кстати, именно здесь в третьем тысячелетии до нашей эры человек впервые приручил лошадь). Эти люди, которых в совокупности называют тюрками, разделяются на племена. За последние столетия благодаря силе и хитрости соседних государств территория их расселения ужалась; расцвет же их могущества пришелся на XI век.

В годы засухи, когда оседлые крестьяне, как правило, гибнут от голода в своих деревнях, кочевники пытаются спастись, перебравшись на другое место, так что именно климатическими изменениями, скорее всего, объясняется тот факт, что из степей на соседние земли, населенные оседлыми народами, время от времени устремляются орды воинственных кочевников.

Отголоски стихийных бедствий волнами расходились по океану трав: нередко степные народы обрушивались на земледельцев не потому, что сами страдали от голода, а потому, что были изгнаны с собственных земель другими, дальними степняками. Именно так в VIII веке тюрки были вытолкнуты на запад, где сначала, проникнув сквозь проход в горных цепях, известный под названием Трансоксания, столкнулись с густонаселенными империями персов и арабов, а затем начали продвигаться дальше – то просачиваясь сквозь границы небольшими отрядами, то устраивая массовые переселения; в попадавшихся на их пути государствах они нанимались на военную службу и порой захватывали власть.

* * *

И вот на земли, где стоят старинные крепости с колодцами, базарами, куполами, минаретами и лимонными рощами, где ученые мужи обсуждают теологические вопросы, стершиеся, как галька, от бесконечных словопрений, въезжают тюрки на лошадях под расшитыми седлами, со стремянами, похожими на металлические галоши. Лошади эти, жилистые и коротконогие, так умны и пользуются такой любовью своих хозяев, что сразу и не скажешь, кто это кочует: то ли люди верхом на лошадях, то ли лошади, везущие людей. «Народ Высокой Порты, – объявил в 1775 году один османский сановник русским, – хорошо знаком

с конем и седлом весьма и весьма долгое время». Бунчук – конский хвост, используемый в качестве штандарта, был у турок символом власти. Турки знали, как научить лошадь ржать по команде или зубами поднимать с земли упавшую саблю и передавать ее всаднику. Они красили конские хвосты в красный цвет, лечили раны лошадей корой каштана и признавали за ними право на достойное погребение. Конь мог стяжать настоящую славу, как, например, Каравулык, Черный Волк, чей быстрый бег спас юного Селима, будущего султана, после неудачного мятежа 1505 года. Турок на несущейся галопом лошади мог метнуть копьё с такой силой, что оно пробивало лист железа. Турецкие всадники умели, обернувшись назад, стрелять из лука по движущейся мишени со скоростью три стрелы в секунду и с величайшей меткостью: даже в XIX веке, когда турецкий султан носил сюртук и говорил на вполне сносном французском, он, как рассказывают, однажды на спор попал стрелой с расстояния семьсот с лишним метров между расставленных ног скептически настроенного американского посла.

* * *

«Ислам, – сказал в одном из своих эссе Эссад-бей, – это пустыня». В отличие от двух других великих монотеистических религий, иудаизма и христианства, в исламе нет священнослужителей. Кочевник может раствориться в пустыне или степи на многие недели, но всемогущий и всевидящий Бог следует за ним: пять раз в день следует очищать свои мысли, мыть руки и взывать к Всевышнему. Ислам – мощный помощник в борьбе с неопределенностью и переменами, незаменимое подспорье для людей, которые не знают, где и с кем они будут завтра. Заповеди ислама строги и недвусмысленны. Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его. Пять раз в день необходимо совершать молитву. Пить вино и есть свинину запрещено. Необходимо отдавать часть своего богатства бедным. Правоведный должен неустанно бороться с неверием, однако мирными средствами – если только его не вынуждают братья за оружие. Коран – не священное писание, а ниспосланный Богом закон, – и пусть ему не грозят словесные выкрутасы священников, зато он служит предметом пристального изучения и диспутов улемы – исламских правоведов, которые истолковывают смысл изложенных в Коране предписаний.

Ислам возник и окреп в боях. Конечно, всегда были и крестьяне-мусульмане – люди, которым некуда податься и которые делают то, что им велят. Для османов они, равно как и христиане Балканского полуострова, были особым предметом попечения, беззащитными землепашцами, *райей*, то есть стадом, которым всадники призваны управлять. Гений ислама жил в горожанах и кочевниках, людях куда более подвижных и менее предсказуемых, в глубине души презирающих крестьянскую жизнь. Ислам распространяли по городам Ближнего Востока торговые караваны и завоеватели, которые называли себя *гази*, воинами за веру. Расстояния их не пугали. В VII веке они вышли из Аравии и обрушились на северное побережье Африки, дошли до Великой степи и раскинули шатер ислама, Дома мира, от Геркулесовых столпов до пустынь Ирана, превратив Средиземное море в исламское озеро.

Однако мало-помалу их порыв угас. Дух *гази* начал слабеть. Ислам остепенился, потерял отчасти свою былую энергию, но обрел притягательное обаяние, породив мусульманские цивилизации Персии, Египта и Испании, где ученые и правоведы возвысились над воинами, где журчала в фонтанах вода и шелестели страницы старинных книг. Яростная одержимость и простота первых мусульман уступила место утонченным беседам между знатоками божественного откровения и толкователями Аристотеля. В XII столетии в Дом мира вторглись христиане-крестоносцы, так что Палестина и даже Иерусалим были на время потеряны; норманны, они же викинги, ослабили господство мусульман в Средиземноморье; блеск мавританской Испании, испытывающей давление Реконкисты, уже начал тускнеть.

Впрочем, изначальное исламское единство под властью одного халифа уже было нарушено расколом на суннитов и шиитов. В результате Дом мира раздирали кровопролитные войны, сражались в которых не те, кто вел спор, а армии обращенных в рабство степных кочевников-тюрок.

И все же тяга к бесконечному движению, свойственная исламу, не иссякала. Тянулись от одного мусульманского города к другому вереницы караванов, везущие мешки с пряностями и золотом, шелк и мех: большинство предметов роскоши развозили по известному тогда миру торговцы-мусульмане. Существовало удивительное явление, называемое хаджем, – паломничество к святым городам Мекке и Медине, которое надлежит совершить каждому правоверному; ежегодно огромные толпы мужчин и женщин пускались в путь по безводным пустыням Аравии. Ислам чтит путешественников. Вот и Ибн-Батута, ученый муж из Марокко, совершив в 1329 году хадж, не остановился на этом, а добрался до Иерусалима и затем пустился в путь по Анатолии, где ему предстояло своими глазами увидеть изрядное количество «турецких правителей», которые утверждали господство ислама на этих суровых приграничных землях.

Среди турок ислам, казалось, обрел свой изначальный напор. Ибн-Батута назвал Орхана, сына Османа, величайшим из правителей Анатолии – и оказался провидцем, ибо в тридцатые годы XIV века владения Орхана были не такими уж большими. Захватывая новые города, Орхан, как то и подобает мусульманскому правителю, строил мечети и учреждал медресе, однако лето, по словам старого марокканца, проводил в шатре, постоянно переезжая с места на место, от одного прекрасного замка к другому, – его энергия казалась пришельцу из тех мест, где ислам успел одряхлеть, удивительно кипучей, варварской и притягательной.

Покинув степи в IX веке, кочевники поступили на службу к Аббасидам – багдадским халифам, которые обратили их в ислам. Научившись у персов искусству управлять государством, некоторые из них основали на Ближнем Востоке свои собственные империи. Однако другие погналы свои табуны и отары дальше; они с презрением относились к искусству управления, к оседлой жизни и к идее налогообложения. Государства Ближнего Востока только рады были от них отделаться, ибо кочевники опасны для крестьян, а крестьяне платят налоги.

В носорожью голову Малой Азии их увлек упадок Византийской империи, которая отступала, словно вода во время отлива. После битвы при Манцикерте (Малазгирте) византийские границы стали мягкими и податливыми, как йогурт, который так любили кочевники. В XIII веке их гнал вперед страх перед монголами, опустошавшими все земли, по которым проходили. Но чем бы ни было вызвано продвижение турок, двигались они в одном направлении – на запад.

К концу XIII века они достигли восточных берегов Эгейского моря. За спиной у них остались многочисленные мелкие эмираты, которые возникли и окрепли благодаря священной войне с Византией, но затем, когда линия фронта отодвинулась, отвыкли от войны, отказались от кочевого образа жизни, перешли к земледелию и стали взимать с подданных налоги. Эти маленькие государства выталкивали новоприбывших кочевников дальше на запад не менее усердно, чем большие империи в глубине континента, так что война с неверными постоянно подпитывалась свежей кровью. Самые отважные стали строить корабли, обзаводились пеньковыми канатами и абордажными саблями и продолжали священную войну на Эгейском море. Война эта казалась скромной по масштабам, зато добыча была велика: новоявленные пираты грабили торговые корабли христиан и совершали набеги на побережья Греции и Фракии.

В начале XIV века новый натиск на Византию возглавил Осман из Вифинии. Он правил крошечным государством и носил самый низший титул из принятых у турок – бей,

однако владения его находились на самом краю осыпающейся Византийской державы – на самом острие меча ислама, вблизи православного города Бурса, откуда рукой было подать до Мраморного моря. Стоило Осману одержать первые победы, как под его начало стали стекаться желающие воевать: кочевники-скотоводы, искатели приключений, суфии, неудачники, безземельные крестьяне, беглецы: люди, уставшие от неразберихи, сопровождавшей упадок византийской власти, семьи, спасающиеся от жестокости монголов, и воины, которым наскучила лень своих эмиров. Даже греки из пограничных войск, которые византийские правители не баловали попечением, переходили на сторону победителей. Все эти люди составили силу, совершенно несоизмеримую ничтожным владениям Османа, предопределив тем самым судьбу его потомков: владеть двумя морями, двумя континентами и священными городами ислама.

Сам Осман, как то диктовали законы суровой демократии пограничья, был всего лишь первым среди равных. Его происхождение темно. Вопрос о том, какие права были у него на земли, которыми он владел, окружен мифами; он не подчинялся номинальному монгольскому правителю Анатолии. В скудных исторических источниках того времени упоминаются родственники Османа: братья, родные и двоюродные, дяди и сыновья, которые, по турецкой традиции, отчасти разделяли с ним его расплывчатую власть. Осман проводил лето в шатре, дружил с греками, поощрял смешанные браки. Он вставал при звуках военной музыки, как впоследствии делали его дети и их далекие правнуки – из уважения, как говорили, к памяти исчезнувших владык, сельджукских султанов, чья распадающаяся империя была сметена с лица земли монголами. Последний из них, жалкий и безвластный, скончался при жизни Османа, и никто из современников не позаботился даже записать дату его смерти. Осман кормил своих последователей даром и каждому из них, как говорят, дарил чашу, следуя обычаю *футув* – похожих на рыцарские ордена братств, которые в ту эпоху связывали Анатолию в единое целое. Он обещал своим воинам богатые трофеи и пышные пастбища и легко ввязывался в распри, к которым далеко не всегда имел непосредственное отношение; а по ночам ему порой снились необычные сны, подтверждавшие его право на власть. Шафером на свадьбе Османа был грек из пограничного войска, Михаил Остробородый, который однажды спас ему жизнь; что же до невесты, то ею была дочь местного духовного авторитета, шейха Эдебали.

По всей видимости, это был брак по любви, но благодаря ему Осман также стал причастен к той духовной энергии, которая озаряла приграничье в XIV веке. Соприкасаясь в своем продвижении на запад с мусульманскими цивилизациями Ближнего Востока, турки усвоили ислам в самой примитивной его разновидности, примешав к нему степные обычаи анимизма и шаманизма.

В приграничье, далеко от великих центров исламской традиции, необычного и еретического было в избытке, и неудивительно, что религия здесь носила яркий отпечаток своеобразия и была пропитана бунтарским духом. Здешним жителям, народу простому и суровому, чьи женщины не закрывали лиц, нравились святые люди, умеющие дать отпор изворотливым интеллектуалам старых городов. По душе им были скитальцы и бродяги, резкие слова и дикие нравы да сумасшедшие, чьи несвязные речи считались пламенными посланиями самого Бога, и оттого, разумеется, трудными для понимания².

Осману выпала роль превратить гностические словеса святых людей, или *баба*, как называли их турки, в план действий, который должен был обеспечить его подданным лучшие

² Долгое время спустя после того, как приграничные земли стали частью империи, а та, в свою очередь, превратилась в почтенного защитника веры, единодушное и яростное осуждение мулл вызывали синкретические стихи Мысри-эфенди. Но это не мешало продаваться книге его сочинений, которой было предпослано следующее предупреждение: «Шейх-уль-ислам предал эти стихи огню и издал фетву: всякий, кто верует так, как Мысри-эфенди, и высказывает те же мысли, что и он, должен быть сожжен, за исключением лишь самого Мысри-эфенди, ибо нельзя осудить фетвой впавшего в исступление».

пастбища и богатую военную добычу – иначе он так и остался бы не более чем воином, пользующимся авторитетом среди других воинов.

Боговдохновенные секты, боевые братства и дервишские ордена устанавливали правила поведения, благодаря которым на территориях, где власть (как, например, власть Османа) была слаба, поддерживался некоторый порядок. Эти объединения так до конца и не исчезли, какой бы ортодоксальной и авторитарной ни выглядела империя в дальнейшем. Некоторые из них обрели официальный статус, как, например, дервишский орден Бекташи, нашедший последователей среди янычар, которые пили вино и не заставляли своих женщин закрывать лица; для многих христиан бекташи сделали переход в ислам более легким. Другие, как орден Мелами, подвергались суровым гонениям за то, что проповедовали презрение к иллюзиям материального мира³. В целом же предметом интереса всех этих братств была тайна жизни и божественная сущность изменений – так оно обычно и бывает в приграничных землях. «Все сущее находится в процессе творения и разрушения, – писал мистик Бедреддин. – Нет ни «сейчас», ни «потом», все совершается в единое мгновение». Сам Бедреддин отказался от успешной карьеры на ниве традиционного ислама ради эзотерического хаоса приграничья, где стал великим духовным учителем, славившим здешний дух мятежной свободы. Многих, в том числе и христиан, ему удалось убедить в том, что он – Махди, исламский мессия, чей приход знаменует близость конца света. Османам, которые к тому времени уже создали империю, это не могло прийти по вкусу, и в 1416 году они повесили его на дереве в Македонии.

* * *

Как же так получилось, что этих людей, презирающих власть и уверенных в победе, кочующих туда-сюда со своими овцами, семьями и шатрами, ждал такой великий успех? Это может показаться игрой слепой судьбы, случайной прихотью истории. Самые первые турецкие историки объясняли возвышение своего народа величием, присущим туркам от рождения, и могли доказать, что Осман был потомком Ноя в пятьдесят втором поколении⁴. Как тут не вспомнить старое изречение о том, что кочевников безотчетно влечет вслед заходящему солнцу! Мехмед II полагал, что непрерывные победы его предков – результат самоотверженности людей, которые «относятся к своему телу так, будто оно принадлежит кому-то другому, и не обращают внимания на боль и опасность». Это убеждение разделяли и его собственные войска, готовившиеся к великой осаде Константинополя. По мнению Гиббона, успехи османов были следствием слабости изнеженных греков. Во время Первой мировой войны один англичанин высказал мысль о том, что первые османы в большинстве своем, собственно, и были греками, и османские завоевания, следовательно, были чем-то вроде итальянского *рисорджименто* или по крайней мере неким преобразованием Византии. Турецкий ученый, читавший в двадцатые годы лекции в Париже, опроверг это утверждение как вздорное и заявил, что все поголовно османы были чистой воды турками, причем исключительно из кочевых племен. В тридцатые его немецкий коллега поднял вопрос о *гази* – воинах за веру, для которых война была наполнена в первую очередь мистическим смыслом. В доказательство своей правоты немец приводил одно весьма древнее стихотворение и древнюю же надпись на стене мечети в Бурсе: «Орхан, сын Османа, *гази* и султан *гази*, властитель земель, простирающихся до горизонта, повелитель всего мира». Археологи объявили надпись благонамеренной подделкой, сделанной позже, чем предполагал немец. Однако разве

³ Одно из анархистски настроенных ответвлений ордена Байрамы ушло в подполье, устраивало тайные суды и держало тайные тюрьмы.

⁴ Попытки доказать родство в тридцати шести поколениях были признаны неубедительными.

не любовь к вере и не гордость знанием истины видится нам в стремительном движении всадников? Ислам сжал степные расстояния, утвердив единого Бога и провозгласив единый закон. Когда гази начали свой победоносный путь по Европе, их вождю оставалось лишь сесть верхом на скакуна, чтобы стать властителем бескрайних горизонтов, – ибо не было будущего, кроме того, что сошлось в единое мгновение, и окончательная победа ислама была реальностью, с которой миру оставалось лишь поравняться.

2 Балканы

В двадцатые – девяностые годы XIV века османы волной прошли по обмелевшим завоям византийской власти: от Бурсы до Никеи и через Дарданеллы – в Европу, к болгарскому Пловдиву, что в долине Марицы, к Варне на берегу Черного моря, к Коринфскому перешийку; взяли Ниш, ключ к северным Балканам, и достигли Дуная, главной реки Центральной Европы. Они продвигались так стремительно, и таким неожиданным был их бросок, что хронисты его проглядели: нам не известно ни одной точной даты сражений вплоть до 15 июня 1389 года, когда османы разбили сербов на Косовом поле.

Юго-Восточная Европа, обитель православия, ждала завоевателя. Более тысячи лет Византийская империя со столицей в Константинополе правила половиной известного мира, утверждая от Равенны до Евфрата христианскую религию, римское право и греческую культуру. Византия создавала облик Балкан: выделяла земли для венгров и болгар, наблюдала, как исчезают бесследно печенеги, половцы и авары, диктовала условия славянским племенам, принимала их на свою службу, привязывала к себе православием и учила читать и писать, а когда те становились чересчур заносчивыми, преподавала им совсем другие уроки.

В 1056 году долго копившаяся вражда между римским папой и императором Востока привела к окончательному расколу – схизме, которая разделяет православную и католическую церковь по сей день. Со временем неприязнь лишь усиливалась. В конце концов Константинополь был разграблен крестоносцами во время Четвертого крестового похода – шли они, как водится, в Святую землю, но венецианцы, давнишние соперники Византии, убедили их слегка свернуть с пути. В Пасху 1204 года пьяные рыцари, забрызганные кровью христиан, посадили обозную девку на патриарший трон в Святой Софии и водили вокруг нее хоровод. Все погибло, ни следа не осталось от былой роскоши и блеска, что были притчей во языцех; исчезли богатства, накопленные за тысячу лет цивилизации, войн и благочестия: святые мощи увезли во Францию и Флоренцию, святые иконы поглотил огонь, бесценные жертвования и творения искусных ювелиров украсили диадемы маркиз из Западной Европы. Драгоценные камни древних корон и золотые изделия, созданные в так называемые Темные века; священные реликвии, принадлежавшие спутникам Христа, а также пряди их волос и кусочки зубов; перо архангела Гавриила, которое тот обронил во время Благовещения; ковчег Завета и завеса храма Иерусалимского; цепи апостола Петра, гвозди, которыми был сколочен животворящий Крест Господень, и частицы древа его; трубы, сокрушившие стены Иерихона, – все, все было утрачено. В пламени погибло бесчисленное множество книг, и оттого умножилось в мире сомнение и больше стало загадок. Порядок был нарушен, авторитет поколеблен. Удача покинула империю вместе со знаменитыми бронзовыми конями, что тысячу лет украшали Ипподром, а теперь рассекали копытами влажный венецианский воздух на площади Сан-Марко, далеко за морем.

Шестьдесят лет Константинополь был латинским городом. Представители одной из ветвей византийского императорского дома, Комнины, нашли прибежище в Трапезунде, на

берегу Черного моря, где окрепли благодаря торговле с итальянцами и продержались с их помощью несколько столетий. Другие потомки императоров, Палеологи, выжидали удобного момента в Никее. В 1267 году, вернувшись в Константинополь, они обнаружили город наполовину лежащим в руинах; что же до бывшей территории империи, то она была потеряна навсегда. Ею владела пестрая компания французских феодалов, венецианских и генуэзских наместников и князьков из местных. Сам город был защищен мощными стенами, православие было восстановлено в правах, правитель Константинополя, как встарь, носил титул императора римлян – но былое богатство исчезло, и Византия уже не внушала соседям того священного трепета, который в прежние времена лежал в основе дипломатических успехов империи. Тысячелетний слой древнего мифа, что дороже листового золота, был безжалостно содран.

Теперь Константинополю оставалось только гнить заживо. Итальянцы из Венеции, Генуи и Флоренции использовали город в качестве перевалочного пункта на пути в Причерноморье, где вели выгоднейшую торговлю. Они жили на другом берегу Золотого Рога, в поселении, называвшемся Пера («его можно уподобить Саутуарку близ Лондона»), откуда могли наблюдать, ежели им было угодно, как сменяют один другого византийские императоры в круговерти мятежей и предательств, как подвергают они своих предшественников унижениям и выжигают им глаза.

* * *

Словом, Византийская империя пребывала не в самом подходящем состоянии для столкновения с турками. Бурса пала в 1327 году после десятилетия жизни в постоянном страхе, завершившегося кошмаром осады; после взятия города его улицы были завалены трупами. Никея, где в 325 году был сформулирован символ веры, сдалась в 1329-м; напрасно предшествующие пять лет ее жители вглядывались в горизонт, ожидая, не идет ли на помощь войско из столицы. Турки продвигались вперед с поразительной легкостью – казалось, им помогает само Провидение. Мусульманское государство Кареси, измученное междоусобицей, не смогло оказать сопротивления, и в 1344–1345 годах само упало в их руки, словно созревший плод, благодаря чему Орхан, сын и наследник Османа, овладел южным берегом Мраморного моря. Многие века там, где маленькое Мраморное море, переполненное изливающейся из Черного моря водой, устремляется сквозь узкий пролив в море Эгейское, на европейском берегу, на Галлиполийском полуострове, стояла крепость, охранявшая морской путь в Константинополь. Азию и Европу в этом месте разделяет узкий пролив Дарданеллы, который древние греки называли Геллеспонтом: здесь, согласно мифу, прекрасная Гелла, бежавшая от своей мачехи, не удержалась на спине златорунного барана и утонула. Византийские греки не раз приглашали турок помочь им в своих междоусобицах, так вышло и в 1354 году, когда прямо на европейском берегу пролива византийский регент поднял восстание против своего юного подопечного, императора. Мятежник – его звали Иоанн Кантакузин – обратился к Орхану, ближайшему турецкому бею, то есть военачальнику, с просьбой прислать войско на подмогу. Создается впечатление, будто османы, дойдя до Геллеспонта, могли лишь с вожделием взирать через пролив, пока византийцы сами не предложили перевезти их на другой берег.

Воины Орхана переправились из Малой Азии в Европу в 1354 году, и не успели они освоиться во Фракии, как в дело вновь вмешалась рука Провидения. Ночью 4 марта 1356 года на Галлиполийском полуострове произошло сильное землетрясение – как раз когда османское войско готовилось вернуться в Азию. Стены греческой крепости, охранявшей пролив, рухнули, словно опускающийся на колени верблюд; турки поспешили занять развалины, и с

тех пор христианские корабли – генуэзские, венецианские и византийские – выстраивались в очередь, чтобы возить их с одного берега на другой и обратно.

* * *

Расхлебывать кашу, которую заварил Кантакузин, пришлось его наследникам. Во Фракию устремился поток мужчин, женщин, детей, дервишей, овец и лошадей. Летучие отряды турецких конников проникали в балканские долины, где их ждал рай скотовода: свежая вода, зеленая трава и тень раскидистых деревьев. Турецкие беи начали обустриваться в своих фракийских поместьях, пока их предводитель из дома Османа был занят защитой своих земель в Малой Азии. Появлялись тут и там дервишские обители, турецкие крестьяне обзаводились хозяйством и пастбищами, и на протяжении жизни одного поколения Фракия превратилась в страну, населенную турками. Эдирне, греческий Адрианополь, главный город этой области, перешел в их руки в 1362 году.

Сменявшие друг друга византийские императоры предпринимали попытки заручиться западной помощью против надвигающейся турецкой угрозы и даже готовы были поступиться своими религиозными убеждениями, однако никто особенно не торопился им помогать, обещания переменить веру никогда не были по-настоящему искренними, да и для самих жителей Константинополя обставленные сложными условиями уступки, которые делал их император римскому папе, равным счетом ничего не значили – они просто не обращали на них внимания. В 1366 году, когда Кантакузин, ставший к тому времени императором Иоанном VI, возвращался из Буды, где безуспешно пытался уговорить венгерского короля Людовика Великого начать войну против турок, его захватили в плен болгары. Четыре года спустя, когда он объезжал западные города в надежде собрать деньги и войско для защиты империи, венецианцы посадили его в долговую яму. В 1356 году Орхан пожелал жениться на его дочери – и пышная флотилия из тридцати кораблей отвезла Феодору к жениху-варвару – всего-то километров за сто от дома. Двадцать лет спустя, когда турки завоевали Македонию, византийцы приходили к ним и умоляли накормить.

Турки не были единственными претендентами на европейское наследство слабеющей Византии. Чем тусклее становился отблеск ее величия, тем выше поднимали голову военные вожди самого разного калибра, сдували пыль с древних горделивых титулов, столетия назад отнятых греками: хан, король, царь, воевода, бан, деспот. Они правили государствами столь же разномастными, как их титулы: от шатких империй до окруженных стенами городов. Все они плыли в русле мелеющей византийской цивилизации и подкрепляли свои притязания изрядными дозами вымысла. Незадолго до прихода турок Стефан Душан, король Великой Сербии, «император румелийцев и христоробивый царь Македонии», построил свою империю вдоль старинных торговых путей, соединявших Рагузу, Адрианополь, Белград и Салоники. Ублажая магнатов за счет крестьян, он объединял под своей властью их мелкие владения, однако его империя оказалась столь же непрочной, сколь надуманным был его титул. В 1356 году, повинувшись зову своей византийской мечты, Стефан выступил в поход на Константинополь, однако по пути умер, и созданная им Великая Сербия, просуществовавшая так недолго, но отбросившая такую длинную историческую тень, распалась на множество мелких владений и шесть княжеств покрупнее. Османы уничтожили два из них в 1371 году, когда впервые прорвались в долину Марицы. Ни в 1387 году под Нишем, ни в 1389-м на Косовом поле сербские военачальники не смогли остановить продвижение турок и предотвратить падение Сербии. Расколотое государство признало зависимость от османов, а в 1448-м потеряло последние остатки самостоятельности.

Болгары были увлечены гибельной мечтой о воссоздании своей империи XI века. Венгры, почуяв, что они сильнее, посадили в Болгарии своего бана, который продержался семь

лет (притом что венгры оставались единственными серьезными соперниками османов за влияние в регионе до 1526 года). Один из пелопонесских деспотов, одержимый большой фантазией, принялся строить в Мистре платоновское государство. Отряд ошалевших наемников из Каталонии возомнил, что может завоевать Анатолию. Повсюду бродили банды православных монахов, полагавших, что они могут проложить себе дорогу в рай с помощью оружия и убийств. Османы беспристрастно смели с пути всю эту братию – и царей-философов, и рыцарей в доспехах, ибо османы воплощали свои мечты в жизнь здесь и сейчас, не выпуская меча из рук. «Не было ни государя, ни военачальника; не явилось никого, кто мог бы спасти свой народ. Храбрые сердца воинственных мужей обратились в сердца слабых женщин. Воистину, – писал один македонский монах, с отчаянием тем более искренним, что турки уже стояли у ворот Скопье, – воистину, живые завидовали мертвым».

Местные правители, слишком привыкшие полагаться на хитроумные интриги и переговоры, фатально недооценивали решимость османов в достижении поставленной цели, равно как и численность резерва, который те могли при необходимости перебросить через Геллеспонт. Балканские правители поначалу не имели ничего против турок, воспринимая их в первую очередь как потенциальных наемников (а те зачастую действительно становились наемниками), и не догадывались, что потомки Османа лелеют совсем другие, куда более честолюбивые планы. По мере продвижения турок балканские правители один за другим просили у них покровительства – и слишком поздно осознавали, что назад дороги нет. В 1372 году болгарский царь Шишман признал Мурада, сына Орхана, своим сюзереном, однако в 1388-м, ободренный победой короля Твртко над турецкой армией, явившейся захватить Боснию, отказался от клятвы верности. Не прошло и года, как Шишман был атакован, разбит и унижен; его лучшие войска были отправлены в Анатолию на войну с эмиратом Карамана (причем, как считается, именно в той войне турки впервые применили огнестрельное оружие). Через семь лет Шишмана казнили. (Его сын, впрочем, зла на турок не держал, принял ислам и был назначен наместником Самсуна, что на черноморском побережье Анатолии.)

* * *

Когда византийцы попросили вернуть им Галлиполи, сын Орхана Сулейман посетовал, что ислам, как ни жаль, не позволяет своим последователям отступать. Уверенность турок в своем превосходстве была заразной. Горожане спешили им навстречу с ключами от замков и крепостных стен. Солдаты, как мусульмане, так и христиане, просили принять их на службу в османскую армию. В 1393 году герцог Афинский (латинянин) обвинил православного митрополита в заговоре с целью сдать город туркам. В 1374 году честолюбивый сын византийского императора, став наместником Салоник, провозгласил своей главной задачей сопротивление туркам; однако жители города, прикинув, во что им может обойтись такая воинственность, вскоре его изгнали⁵.

Сама близость турок производила опустошительное воздействие на сопредельные земли. При их приближении люди бежали прочь со всем своим скарбом и скотом, оставляя за собой пустоту, которая естественным образом заполнялась турками. Многие их великие победы были одержаны в битвах, где не они были нападающей стороной. Они редко сами искали повода для ссоры, но никогда не оставляли вызов без ответа. Битва на Косовом поле была следствием восстания сербов. Шестьдесят лет спустя на том же самом месте была одержана еще одна победа: на этот раз сербы при поддержке венгров нарушили перемирие

⁵ Бедный Мануил! Из страха перед турками император отказался дать ему убежище в Константинополе, так что ему не осталось ничего иного, как отправиться к самим туркам, которым он и служил верой и правдой до 1394 г.

и выступили в направлении Эдирне. В 1448 году, как и в 1389-м, победа османов на Косовом поле имела далеко идущие последствия.

В 1356 году корабль, на котором плыл один епископ, потерпел крушение у южного берега Мраморного моря. Турки доставили епископа в летний шатер Орхана, где его приняли по-царски; однако при этом ему было сказано, что они, турки, суть орудие в руках Бога и что их успехи доказывают истинность мусульманской веры; сам Всевышний ведет их с востока на запад, не оставляя своим попечением. Сто лет спустя султан самолично объявил гостю из Венеции, что «времена изменились и теперь мы пройдем с востока на запад, как прежде люди Запада приходили на Восток. В мире должна быть одна империя и одна религия». Продвижение турок оказывало на современников такое завораживающее воздействие, столь жалки, двуличны и разобщены были их противники, таким сверхъестественным казался их успех, что два века спустя сам Лютер пришел к тому же выводу, что и султан, и вслух размышлял о том, следует ли вообще сопротивляться их наступлению – не значит ли это противиться божественной воле?

* * *

Турки-османы нигде не были ассимилированы завоеванными народами. Они побеждали слишком быстро, слишком крепко держались за свои обычаи и слишком сильно гордились своей верой, слишком эффективной была их организация – балканским христианам просто нечему было их учить. Что же до них самих – до всех этих горделивых беев и воинов, которые едва ли могли даже притвориться, что способны владеть обуевающими их страстями, то представители молодой османской династии весьма скоро расстались со старыми представлениями о равенстве, свойственными приграничью, и мало-помалу, начав с нуля, превратились в полноценных монархов. Имя Османа поминалось в пятничных молитвах – честь, которую в исламских странах было принято оказывать правителю; имя его сына Орхана стали чеканить на монетах. Осман и Орхан пировали вместе со своими боевыми товарищами, самолично следили за тем, чтобы их скакуны были надлежащим образом подкованы, и имели привычку одеваться так скромно, что еще в начале XV века чужестранцу, попавшему на похороны матери Мурада II, пришлось попросить стоявших рядом подсказать ему, кто именно из присутствующих – султан. Однако власть османских владык над своими подданными росла вместе с территорией империи. Данышмендиды, предводители другого турецкого племени, процветавшего в XIII веке, тоже были гази и отнимали у византийцев города на понтийском побережье; однако Мурад, сын Орхана, повелел перевести историю их государства с персидского языка лишь потому, что хотел услышать (именно услышать, поскольку грамоте обучен не был) о том, как их могущество в конечном итоге иссякло, как иссякает река в иссушенной солнцем степи.

Мурад I знал, как поддерживать свою власть даже тогда, когда сам он отбывал в поход: разжигал зависть и взаимное недоверие между беями, перемещал наместников, если замечал, что они стали слишком уж своими в той или иной провинции. Советниками Мурада были знатоки искусства управления – богословы старого исламского мира.

Когда люди, называемые улемой, прибыли ко двору османских владык, мир наполнился хитростью и обманом. До них никому не было ведомо, что такое счета и кадастры. Кроме того, они ввели обычай копить деньги и наполнять казну сокровищами.

Так с отвращением писал один хронист-гази. Духовные учителя и богословы из мира старого, традиционного ислама, у которых нюх на успех был не хуже, чем у удальцов приграничья, устремились в османские города, принося с собой мечети и медресе, арабскую пись-

менность и ортодоксальную набожность. Принесли они и инструменты власти. Вся земля, учили они, принадлежит султану, равно как и пятая часть всей военной добычи. Сипахи, или конный воин, может получать доход с земли в соответствии со своими боевыми заслугами, однако права собственности на нее он не имеет и может быть лишен своего надела в мгновение ока.

В годы, предшествующие османскому завоеванию, Балканы начинали потихоньку переходить к феодальному устройству общества: Стефан Душан, например, даровал своим вельможам право заставлять крестьян работать на себя два дня в неделю. Под властью османов крестьяне, то есть *райя*, должны были работать на своего сипахи всего три дня в год; если не считать этой необременительной повинности и десятины, которую они платили в казну, будучи христианами, им была предоставлена полная самостоятельность в вопросах как религии, так и земледелия. Тех, кто работает на земле, надлежит охранять, как овец. Крестьяне возвращались на свои земли (если вообще покидали их) и обнаруживали, что гнет балканского феодализма со всеми его реквизициями, барщиной, крепостной зависимостью и правом первой ночи исчез без следа, что нет больше привычной картины мира: господа в замках и бесправные крестьяне, копошащиеся у их ног. Даже для православной церкви турецкое господство стало своего рода освобождением.

Между 1300 и 1375 годами правитель османов превратился сначала из бея в эмира, потом из эмира в султана. Громкие победы привлекали под его знамена все новых новобранцев из Анатолии, жаждущих добычи и славы. Османы расширяли свои владения за счет соседей-мусульман, действуя с помощью браков и сделок, но нередко прибегая и к оружию, так что к восьмидесятым годам XIV века они дошли до Анкары; завистливых эмиров, остающихся в тылу, всегда можно было обвинить, если дело доходило до драки, в том, что те мешают священной войне на западе. Продвижение османов на Балканах и в Анатолии приводило к неуклонному возвышению их владык. Они вступали в переговоры с феодальными правителями и подписывали договоры, приложив к бумаге обмакнутые в чернила пальцы⁶, женились на балканских принцессах, принимали императоров под свое покровительство и разбитые христианские войска – на свою службу. Когда балканские политики искали кого-нибудь, с кем можно вести переговоры, чтобы направить великий исламский поток, заливающий Балканский полуостров, хоть в какое-то русло, они всегда обращались к османскому правителю, воздавая ему почести, которые надлежит воздавать коронованной особе.

Османское государство на первых порах было семейным предприятием, в котором власть до какой-то степени делилась между родными и двоюродными братьями, дядьями и даже родственниками женского пола. Учредив в 1365 году янычарский корпус (*йени чери* означает «новое войско»), Мурад I весьма примечательным образом расширил свое семейство. Осман и Орхан забирали себе пятую часть военной добычи, как то позволяет правителю Коран, землей и золотом; Мурад же стал брать свою долю также и пленниками. Армии, состоящие из рабов, были обычным делом в исламском мире, и люди приграничья знали, кто в этом замешан и кого винить. «Новшество это предложили два богослова», – пишет турецкий хронист, газы до мозга костей, и когда мы читаем эти слова, нам через столетия слышится его удрученный вздох.

⁶ Первые османские правители (до Баязида I) были неграмотны. Мурад I (1356–1389) окунал в чернила все пальцы, кроме мизинца, и прикладывал их к странице. Говорят, что от этого обычая ведут происхождение изящные каллиграфические эмблемы (тугры) последующих султанов, которые строились по следующей общей схеме: овал слева на месте большого пальца и три волнообразные линии вверху. В 1916 г. оригинал договора между османами и Рагузой (Дубровником) с отпечатками пальцев султана Мурада был выставлен в музее при городском совете Дубровника.

* * *

К моменту первой битвы на Косовом поле София, Ниш и окрестности Варны на побережье Черного моря были уже в руках турок, а на берегах Дуная правили вассалы Мурада, чья верность обеспечивалась присутствием турецких гарнизонов в Никополе и Шумене.

В 1389 году в шатер Мурада на Косовом поле проник серб Милош Обравич, чье имя впоследствии обессмертили в песнях, и нанес султану смертельный удар кинжалом. Убийца трижды пытался вскочить на коня, прежде чем его зарубили. Когда два сына Мурада вернулись в лагерь, один из них, Баязид, немедленно приказал умертвить другого и тут же был провозглашен султаном.

3

Молниеносный

Баязид вошел в турецкую историю под прозвищем Йылдырым, что значит «молния», хотя неизвестно, за что именно он его получил – то ли за молниеносные броски своих армий, то ли за внезапность, с которой он получил власть, то ли за крутой нрав. Его правление началось с череды великих свершений. Он разбил враждебную коалицию анатолийских беев. Византийский император признал себя его вассалом и повелел переделать одну из церквей священного города Константинополя в мечеть, вокруг которой возник мусульманский торговый квартал, где был свой кадий – шариатский судья.

Мурад был неграмотным сыном эмира, Баязид был сыном султана. Его мать была византийской принцессой, рожденной в городе, где традиции имперской пышности и надменности насчитывали тысячу лет. Ему не доверяла улема. Он дал своим сыновьям имена пророков трех великих религий. Римский папа вел с ним переписку, хотя, должно быть, и был неприятно поражен желанием Баязида устроить в алтаре собора Святого Петра кормушку для своего коня. Казнив болгарского царя Шишмана, Баязид аннексировал его буферное государство между державой османов и Венгрией; он одевался как грек и по греческому обычаю предавался содомии; пил вино; обратился к калифу в Каире с просьбой дать ему титул султана Рума, то есть Византии. Казалось, ему нравится иметь врагов. «Ибо я рожден, – сказал он однажды сжавшемуся от страха Жану де Неверу, выхватив из ножен саблю, – носить оружие и покорять все земли, что лежат передо мной». Одного за другим он выбивал эмиров из их эмиратов, пока не установил свою власть от берегов Дуная до далекого Евфрата.

В 1396 году Баязид осадил Константинополь, однако, когда до него дошли известия о том, что со стороны Дуная приближается неприятельская армия, он немедленно снял осаду и отправился на северо-запад, где ему предстояло иметь дело с последним европейским крестовым походом на Восток.

Армия крестоносцев состояла преимущественно из французов, желавших уподобиться своим рыцарственным предкам и поставивших целью изгнать ислам из Европы⁷. В Бюде они соединились с рыцарями Тевтонского ордена и венгерской армией короля Сигизмунда. Через месяц они были уже под Никоподем на Дунае, похваляясь, что могут приподнять небо своими копьями. Командир турецкого гарнизона отказался сдать город – возможно, до него дошли известия о том, что несколькими днями ранее крестоносцы вырезали сдавшийся гарнизон в Виддине. Крестоносцы приступили к осаде. Баязид, полагали они, был далеко, «в Каире или Вавилоне», так что они приготовились его ждать, а меж тем велели накрывать на стол.

⁷ Старый герцог Баварский посоветовал своему сыну «не обнажать меча против народов и стран, которые никогда не делали нам ничего плохого и для войны с коими нет никаких причин, кроме тщеславия», а вместо этого, если уж хочется повоевать, отправиться во Фрисландию.

К тому моменту, как разведчики доложили о приближении турецкой армии, рыцари были уже сильно пьяны. Венгры хорошо знали своих противников. Заручившись поддержкой командира французов, король Сигизмунд предложил начать осторожное наступление с венгерской пехотой в авангарде; однако рыцари, которые в большинстве своем никогда особо не доверяли венграм, заподозрили тех в намерении украсть у них славу победы. Не желая ничего слушать, шесть тысяч рыцарей устремились вверх по склону холма, врезаясь в гущу конных варваров, которые при их громоподобном приближении распались на отдельные группы и кинулись отступать.

Это была старинная степная хитрость. Где-то впереди, сообразили французы, находится незащищенный турецкий лагерь. «Ага! – сказали они, – сухо пишет рабби Иосиф, – но радость их быстро прошла».

Далеко опередив венгерскую пехоту, французские всадники вылетели на гребень холма и обнаружили перед собой 60-тысячную армию, в самый центр которой и вломились. Турки окружили их с флангов, сзади нагнала легкая конница, и беспощадные янычары султанской гвардии одного за другим повышибали их из седел.

Позже французы винили венгров за то, что те с самого начала были настроены обороняться, а не атаковать; венгры же обвиняли французов в неуместной торопливости. Немецкий пехотинец по фамилии Шильтбергер, попавший в плен и обратившийся в ислам, после чего тридцать лет был янычаром, пока ему не удалось бежать на родину, полагал, что Сигизмунд был задержан внезапным дезертирством валахов, а османы, в свою очередь, получили подкрепление от сербов. Однако все это не более чем теоретические рассуждения *post mortem*⁸.

Спастись бегством удалось немногим счастливым. Король Сигизмунд и великий магистр ордена Святого Иоанна уплыли на венецианской галере вниз по Дунаю к Черному морю; другие, перебравшись через реку, устремились пешком на север, в Карпаты, где подверглись грабежу и побоям. Зимой до Парижа добралась кучка оборванцев дикого вида, входивших в город поодиночке или парами; им велели держать язык за зубами, если не хотят болтаться на виселице. Было официально объявлено, что о Никополе запрещено упоминать на королевском совете, ибо слухи, ходившие о том, что случилось после битвы, были ужасны. И только под Рождество во дворец прибыл Жак де Элли, ведущий переговоры с Баязидом, и представил неопровержимые доказательства страшной правды.

Утром в день битвы крестоносцы опрометчиво перебили своих турецких пленников. Баязид, мрачно осмотрев поле боя и подсчитав потери, приказал казнить всех попавших в плен христиан за исключением только двадцати четырех рыцарей, одетых богаче других, – чтобы получить за них выкуп, и нескольких мальчиков – чтобы отдать их в янычары. Маршалу Бусико было предоставлено страшное право спасти жизнь еще двоим из сотен рыцарей, которых проводили перед султаном; что до солдат незнатного происхождения, то их казнили на месте. Кровь лилась до вечера, и когда султан согласился наконец внять мольбам о пощаде, которые обращали к нему его собственные военачальники, десять тысяч человек уже было обезглавлено. Часть османской армии была отправлена в Валахию, дабы покарать ее правителя, вассала султана, а легкая кавалерия, заманившая рыцарей в ловушку, тем временем совершила рейд вверх по Дунаю, не опасаясь встретить сопротивление, и дошла до самой Штирии, взяв шестнадцать тысяч пленников.

Оставшихся рыцарей отправили в пеший переход через Балканы в замок на Галлиполийском полуострове, где им была уготована тюрьма; однажды всех их вывели из замка и построили на берегу – посмотреть на проплывающую мимо венецианскую галерею, везущую короля Сигизмунда в Средиземное море, к спасению. Турки кричали ему, предлагая сойти

⁸ *Post mortem* (лат.) – после смерти.

на берег и освободить своих людей, «но не стали чинить ему никаких препятствий, и он уплыл».

* * *

Исполненной необычайных событий жизни самого Баязида было суждено закончиться менее чем через десять лет после этих событий. Будучи человеком своевольным и высокомерным, он не желал признавать естественных пределов своей власти, с которыми считались его осмотрительные предшественники. Они вели завоевания на западе и на востоке равномерно, словно прилаживали седельные сумки, обеспечивая полную безопасность на одном фронте, прежде чем начать кампанию на другом, и следили, чтобы их враги всегда были разобщены и пребывали в страхе. Владения Мурада, площадь которых к 1389 году составляла 260 тысяч квадратных километров, были почти поровну разделены между двумя континентами; Баязид же прибрал к рукам такие огромные пространства Анатолии, что к 1402 году площадь его державы составляла 690 тысяч квадратных километров, из которых две трети находились в Азии. Он приобрел себе много врагов из числа представителей старых правящих семейств, лишенных власти, и не задумывался о том, насколько преданы ему люди, которых он берет на службу.

Возмездие приняло облик татарского воителя, обладавшего могуществом и энергией большими, чем Баязид. Великий Тимур, известный в Европе как Тамерлан, родившийся в 1346 году в Самарканде, к сорока годам правил огромной империей. В 1398-м, когда он направлялся на юг, чтобы завоевать Сирию, к нему прибыла делегация изгнанных анатолийских эмиров, компанию которым составляли послы из Константинополя, Генуи, Венеции и даже из Франции от Карла VI, и все они просили Тимура об одном и том же: напасть на Османскую империю. На просьбу эту Тимур ответил отказом, однако по пути все же взял и разграбил несколько пограничных городов.

Терпеть оскорбления было не в правилах Баязида. Он отправил Тимуру несколько гневных, оскорбительных посланий, в которых имя османского султана было написано изящными золотыми буквами, а имя Тимура – внизу, мелко и простыми черными чернилами. Кроме того, Баязид опрометчиво пообещал помощь своему союзнику Кара-Юсуфу, правителю государства Каракоюнлу, который отрезал все пути к прощению, напав на караван, шедший в Мекку. В 1399 году Тимур взял Сивас, вырезал весь османский гарнизон и казнил старшего сына Баязида; три тысячи солдат-армян христианского вероисповедания были похоронены заживо.

Столкновение было неизбежно. Баязид страстно искал битвы. Тимур вступал в войну с видимым равнодушием, но обдумывал каждый шаг с великой тщательностью. Развязка наступила в 1402 году. В день сражения Баязид разместил свои войска вблизи Анкары с прискорбной небрежностью. Армия Тимура была в два раза больше, его солдаты только что получили жалованье; с ним были эмиры, хорошо знавшие местность. Баязид же решил не торопиться с раздачей денег, «сохранив их для Тимура, – как горько заметил один из его военачальников, – с такой неизбежностью, словно на них уже была отчеканена голова этого правителя»; а утром в день битвы отправил свои войска на грандиозную охоту, во время которой, как говорили, от жажды и переутомления погибло шесть тысяч человек. Вернувшись к своему лагерю, турки обнаружили, что Тимур успел занять его в их отсутствие, захватив к тому же единственный в окрестностях источник воды – так что изможденное войско Баязида было вынуждено начать битву уже из-за одной лишь жажды.

Едва сражение началось, анатолийские войска и татары изменили Баязиду и переметнулись на сторону Тимура, к своим бывшим эмирам. Против Баязида обернулся его собственный правый фланг. Султан и верные ему янычары и сипахи, заняв небольшую возвы-

шенность, сражались до наступления темноты, задыхаясь от пыли, поднятой с иссушенной солнцем земли копытами сотен тысяч монгольских конников, безнадежно уступая противнику в численности, потрясенные атакой боевых слонов, привезенных Тимуром из Индии. Визирь Баязида ускакал прочь, увозя его сына Сулеймана, которого султан назначил своим наследником, и верные сербы прикрыли их бегство. Два других сына, Иса и Муса, спаслись со своими отрядами, Мехмеда увез в Амасью старый эмир этого города. В сумерках попытался ускользнуть и сам султан, но его заметил и настиг военачальник, носивший титул чагатайского хана. Ничего не было известно о судьбе лишь одного из сыновей Баязида – Мустафы. Тимур приказал произвести тщательный осмотр поля боя, но тело Мустафы не было найдено, и какая участь его постигла, остается загадкой. «Из-за этого, – писал историк, – тридцать человек, носившие то же имя, поплатились жизнью».

* * *

Поначалу Тимур обошелся со своим пленником великодушно, но в конце концов заносчивое высокомерие Баязида его утомило, и тот был посажен в тесную клетку, в которой невозможно было выпрямиться во весь рост. Клетку повсюду возили в хвосте свиты Тимура. Желю Баязида Деспину заставили голой прислуживать за столом победителя. Никто не предложил за пленников выкуп, и, скорее всего, никто особенно не расстроился, когда Баязид наконец умер, разбив себе голову о железные прутья клетки.

Прежде чем удалиться из Анатолии, Тимур совершил стремительный поход на Бурсу, вынудив Сулеймана бежать в Европу. Затем железный хромец взял Смирну (ныне Измир), оплот рыцарского ордена Святого Иоанна в Западной Анатолии, который в свое время не удалось взять Баязиду. Там завоеватель, сочтя пирамиду из отрубленных голов рыцарей и горожан недостаточно высокой, приказал нарастить ее новыми слоями голов, переложенных глиной. Когда он повернул на восток, перепуганные жители Эфеса выслали ему навстречу своих детей с приветственными песнями, однако жестокий татарин проворчал: «Что это за шум?» – и приказал коннице затоптать их. Затем он навсегда удалился из Анатолии; жизнь его окончилась во время похода в Китай, когда ему шел семьдесят первый год.

Молодая Османская империя могла рухнуть. Ликующие эмиры вернули себе свои дворцы, земли и доходы. Гази зажили прежней вольной жизнью. Христиане Запада, услышав о поражении Баязида, порадовались и забыли о турках. Византийцы облегченно перевели дух и затеяли дипломатическую возню в рассуждении вернуть некоторые из своих утраченных владений. Уцелевшие османские принцы сцепились между собой в долгой гражданской войне, подзуживаемые эмирами, гази, богачами Бурсы, богословами, византийцами и итальянскими городами-государствами: всем им хотелось, чтобы междоусобица тянулась как можно дольше. На протяжении десяти лет братья один за другим терпели поражение и расставались с жизнью, и первым стал Сулейман, шансы которого казались изначально предпочтительнее, чем у прочих, – тот самый, который однажды после боя пировал на телах убитых сербов. Сгинул бесследно Иса. В конце концов эмиры просчитались: они поддерживали Мехмеда как самого слабого, и, когда обнаружили, что он набрал больше силы, чем они рассчитывали, было уже поздно.

Конец Баязида и последовавшее за ним междоусобице обнажили как сильные, так и слабые стороны Османского государства. Баязид, как и его предки, правил, сидя в седле. Однако империя стала уже слишком обширной, чтобы один человек мог управлять ею лично, и чем дальше она расширялась, тем больше возрастала опасность, что местные связи окажутся сильнее, чем преданность новой династии. Да и чисто физически султану было непросто лично противодействовать всем угрозам на далеких границах, до которых добираться было долго и трудно.

С другой стороны, враги султана были едины не больше, чем прежде, и никто из них не показал себя в достаточной степени способным воспользоваться смутой в империи. Идея османского владычества стала уже привычной, и поступательное продвижение турок вскоре возобновилось при Мехмеде I и его сыне Мураде II. К 1430 году султаны полностью восстановили империю, которую Баязид проиграл тридцать лет назад. Османы не любили повторять ошибки. «Я должен с равным вниманием относиться к нуждам обоих континентов», – напоминал сын Мурада, Мехмед II, византийцам, чей город лежал как раз посередине его владений.

4 Осада

Турки отняли Константинополь у греков в 1453 году. До этого они сто с лишним лет постепенно распространяли свою власть на большую часть Балкан и запад Анатолии. Они контролировали проливы, соединяющие Черное море со Средиземным, и проблема переброски войск с одного берега на другой в случае опасности на западном или восточном фронте их более не волновала. Иногда им приходилось прибегать к услугам чужих флотов, и ни генуэзцы, ни венецианцы, ни даже сами византийцы не были готовы отказаться от барышей, которые приносила переправа. Позже, когда турки сами обзавелись флотом и построили несколько удачно расположенных крепостей, которые могли остановить артиллерийским огнем любого, кто посмел бы войти в проливы без позволения, взятие Константинополя стало с технической точки зрения не такой уж большой необходимостью. Османы охватили город со всех сторон, как устрица жемчужину.

В 1452 году новый молодой султан Мехмед II предложил осадить Константинополь. Предложение было встречено без всякого энтузиазма. Самому Мехмеду неудача могла бы обойтись весьма дорого. Молодой султан не пользовался любовью подданных, его репутация была уже запятнана. Предыдущие попытки турок захватить Константинополь терпели неудачу – главным образом виной тому были мощные стены, к тому же сложно изолировать от внешнего мира город, которому так просто оказать помощь с моря. Гази относились к затее султана с сомнением, поскольку Константинополь, имперская столица с тысячелетней историей, воплощал в себе все, что они больше всего ненавидели и презирали. Многоопытный великий визирь Халиль Чандарлы, происходивший из семейства, чьи представители уже много лет никому не уступали эту должность, любил напоминать молодому султану, что у его отца с византийцами были дружеские отношения. У Халиля было прозвище Грек, ходили слухи, что он подкуплен византийцами. Сложно представить, чем бедные как церковные мыши константинопольцы смогли подкупить великого визиря; однако после взятия города он был казнен.

От Константинополя, сказал Мехмед II своим советникам, уже давно осталось одно лишь имя; он отжил свое и представляет собой кучку жалких строений, поля и виноградники, огороженные пустыми стенами, по большей части лежащими в руинах. Накануне падения в Константинополе было шестьдесят церквей, от по-прежнему величественного собора Святой Софии до заброшенных церквушек с провалившимися куполами в отдаленных кварталах, там, где улицы, некогда многолюдные, были распаханы под посевы. В бедном, но гордом Константинополе наблюдалось удивительное возрождение интеллектуальной жизни, и его библиотеки все еще представляли интерес; однако город страдал от утечки мозгов в Италию, да и те времена, когда он мог обороняться исключительно собственными силами, давно прошли. В нем насчитывалось всего 4983 мужчины, включая монахов, способных носить оружие, – цифра столь жалкая, что император Константин был вынужден хранить ее в тайне.

Однако Мехмед чувствовал, что остатки былого могущества у города еще сохранились. Возможно, говорил он, Константинополь «сможет поднять против нас весь Запад, от самого океана и Марселя до берегов Рейна, от западных галлов и обитателей Пиренеев до кельтов и германцев». В свой последний час, под началом императора, чье благородство и величие духа почти заставляли забыть об унижении и запустении, византийцы вновь обрели гордость и решимость своих лучших времен; они сражались за город так, как никогда не сражались за империю.

* * *

Опрометчиво, впрочем, со стороны византийцев было напоминать молодому султану о денежном вознаграждении, которое его отец регулярно выплачивал городу за то, что в нем содержался под стражей претендент на османский престол. Мехмед тут же отменил выплаты и приказал изгнать всех греков из городов в нижнем течении Струмы. 15 апреля 1452 года он начал возводить на берегу Босфора, на землях, все еще официально принадлежавших Византии, крепость, которую сам спроектировал и которую даже лично помогал строить. Протесты греков остались без ответа. Мехмед никак не отреагировал ни на арест всех турок, каких смогли найти в Константинополе, ни на их освобождение. Он не удостоил вниманием посольство с богатыми дарами, которое умоляло хотя бы не трогать греческие деревни на Босфоре. 31 августа строительство было закончено, после чего Мехмед провел три дня в лагере, разбитом под стенами Константинополя, изучая его укрепления. Вскоре пушечным огнем из новой крепости был потоплен венецианский корабль, не выполнивший приказа остановиться; матросы были обезглавлены, а капитан Антонио Рицци посажен на кол на обочине дороги. Пока тело Рицци гнило под дождем, византийцы слали на запад последние отчаянные призывы о помощи.

Венеция, Генуя и Рагуза были слишком сильно заинтересованы в торговле с османами и пребывали в слишком плохих отношениях друг с другом, чтобы оказать грекам сколько-нибудь реальную поддержку. Венеция приказала своим военачальникам в Леванте защищать христиан, но не провоцировать турок. Подеста генуэзской колонии в Пере, на другом берегу Золотого Рога, получил распоряжение действовать так, как он сочтет разумным, но во что бы то ни стало избегать столкновения с турками. Рагуза тайком дала понять, что если будет создана большая антиосманская коалиция, то она непременно к ней присоединится; однако перспектива создания такой коалиции представлялась весьма туманной. Король Неаполя, тесно связанный с греками разнообразными узами, отправил в Эгейское море десять кораблей, которые, поплавав там три месяца, вернулись восвояси. Папа убеждал императора Священной Римской империи, прибывшего в Рим на коронацию, предъявить султану жесткий ультиматум. Однако единственным реальным ультиматумом в те дни был тот, который Мехмед послал византийцам 5 марта 1453 года, требуя немедленной сдачи города.

* * *

Глядя вниз с древних городских стен, византийцы насчитали в окружившем их воинстве по меньшей мере 300 тысяч человек. Мехмед собрал для удара все силы своей империи. Несколько месяцев ее мастера-оружейники изготавливали шлемы, щиты и доспехи, копья, стрелы и мечи. Инженеры делали баллисты и стенобитные орудия. Все отпуска были отменены, в нерегулярные войска призваны тысячи новобранцев, под стены приведен сербский отряд; двенадцать тысяч янычар окружали ставку султана. Мраморное море патрулировал в спешке собранный турецкий флот, по большей части состоявший (хотя были в нем и новые корабли) из старых, побитых жизнью посудин, – однако само его наличие стало сюрпри-

зом для осажденных. Глубоко сидящие в воде триремы, биремы размером поменьше, еще более маленькие и легкие баркасы, огромные весельные галеры, тяжелые грузовые парусные баржи и великое множество курьерских суденышек, шлюпов и катеров – таков был этот флот.

Перед шатром султана стояло новейшее орудие, чье появление изменило сущность средневековой войны и, вероятно, склонило чашу весов на сторону осаждающих. Летом 1452 года трансильванец Урбан, мастер по отливке пушек, предложил свои услуги императору, но у того не было возможности ни заплатить столько, сколько он просил, ни снабдить его необходимыми материалами. Тогда Урбан обратился к Мехмеду, который дал ему денег в четыре раза больше запрошенного и пообещал оказывать любую помощь, какая только потребуется. Через три месяца трансильванец отлил ту самую пушку, выстрел которой потопил венецианский корабль вблизи крепости Румели-Хисар. Монстр, явленный в Эдирне в январе, был вдвое больше: длина – восемь с лишним метров, толщина бронзовых стенок дула – двадцать сантиметров; для перевозки каждого из шестисоткилограммовых ядер требовалась специальная повозка, запряженная тридцатью волами и сопровождаемая семью сотнями человек. Перед первым испытанием пушки жителей Эдирне предупредили, что будет большой грохот, но бояться не надо. Ядро пролетело полтора километра и ушло на два метра в землю. Двести человек немедленно были отправлены выравнивать дорогу в Константинополь. Мосты укрепили. Количество волов удвоили. 7 февраля 1453 года камнемет «новейшего и странного вида, рассказы о котором кажутся невероятными, и который, однако, как показывает опыт, способен сотворить что угодно», был установлен напротив константинопольских стен – ждать ответа византийцев на ультиматум Мехмеда.

Византийцы же очистили рвы, подновили стены и собрали все оружие, которое смогли найти. В городе все еще оставалось некоторое количество каталонцев, которые объединились под началом своего консула и втянули в предприятие земляков-матросов. Прибыл некий дворянин из Кастилии, утверждавший, что является потомком императоров, и называвший Константина XI «кузеном», и немец, наверняка с берегов Рейна, как и предсказывал Мехмед, представившийся Иоганном Грантом. Был там даже самый настоящий турок – претендент на османский трон, дядя Мехмеда Орхан, пообещавший помощь всего своего семейства.

Находившиеся в городе венецианцы, несмотря на уклончивые указания своего сената, перешли в распоряжение императора – чтобы «сражаться во имя Господа и постоять за честь всех христиан», как сказал ему капитан одного торгового корабля. Пробрались в город и некоторые генуэзцы, а в январе во главе отряда из семисот человек прибыл Джованни Джустиниани Лонго, представитель одной из лучших семей республики, человек, известный как искусный защитник крепостей. Император пообещал передать ему во владение остров Лемнос и назначил командующим обороной всех сухопутных стен Константинополя.

У этого города стены были и со стороны суши, и со стороны моря. Своими очертаниями Константинополь, расположенный на полуострове, напоминает голову собаки, глядящей на восток. Над ее носом встречаются Золотой Рог и Босфор, ее горло ласкает Мраморное море, а протянувшиеся от моря до Золотого Рога сухопутные стены, возведенные императором Феодосием в V веке, похожи на огромный ошейник, свободно свисающий на грудь. Морские стены были построены в один ряд. Те, что шли вдоль моря, вырастали прямо из воды; кое-где они были обрамлены рифами и отмелями, кое-где находились ворота и в двух местах – хорошо укрепленные гавани. У Золотого Рога вдоль стен тянулась береговая полоса, образовавшаяся за долгие века и застроенная портовыми складами, однако от попытки приступа эту стену защищала огромная цепь – всем цепям цепь, как чудовище Урбана было всем пушкам пушка, – перегораживающая вход в залив, дабы не пускать туда вражеские корабли. Одной февральской ночью из гавани предательски ускользнули семь кораблей – шесть с Крита и один венецианский, увозя на себе семьсот итальянцев. Остальные корабли, в основ-

ном парусные, без весел, продолжали невозмутимо стоять на якоре. Двадцать шесть из них были снаряжены для боя. У северного берега залива, под стенами генуэзской колонии в Пере, сохранявшей строгий нейтралитет в течение всей осады, стояли торговые суда.

Стены, скалы, цепь и быстрые течения делали атаку с моря практически невозможной. Сухопутные же стены были такими высокими и массивными, что казались совершенно неприступными. Там, где стены от берега Золотого Рога поднимались вверх по крутому склону холма, в них был небольшой выступ, напоминавший собачье ухо, – там находился старый квартал Влахерны, давно ставший частью города и защищенный фортификациями императорского дворца, встроенного в стены. Отсюда непрерывной линией до самого Мраморного моря тянулись стены – тройные, если считать зубчатый бруствер, отделявший ров шириной восемнадцать метров, который можно было заполнять водой, от внешней, почти восьмиметровой стены с квадратными башнями. За ними на расстоянии двенадцати – восемнадцати метров высились двенадцатиметровые внутренние стены с восемнадцатиметровыми башнями, одни из которых были квадратными, другие восьмиугольными, и все предусмотрительно располагались между башнями внешней стены.

Если у этой грандиозной оборонительной системы и было слабое место, оно, как принято было считать, находилось в долине, склоны которой спускались метров на тридцать к небольшой речке, проникавшей в город сквозь трубу, проложенную под стенами. Именно там стояли шатры султана, там были размещены янычары и установлена пушка-циклоп, взиравшая своим единственным глазом на венецианских матросов в их хорошо узнаваемых костюмах, которых император попросил пройти маршем вдоль укреплений, дабы напомнить султану, что венецианцы тоже готовятся защищать город до конца.

Османы, со своей стороны, вырыли вдоль всей сухопутной стены окоп, защищенный земляным валом с частоколом на гребне. Командующий флотом Балтоглу, болгарин, перешедший в ислам, получил приказ следить, чтобы никто не мог добраться до города со стороны Мраморного моря, но прежде всего – прорваться в Золотой Рог.

* * *

6 апреля впервые заговорили пушки – так громко, что от их рева женщины падали в обморок, – и повредили небольшую часть стены, которую оборонявшиеся успели починить за ночь. Две маленькие крепости, до сих пор находившиеся в руках греков, артиллерийским огнем были принуждены к сдаче; уцелевшие защитники – и те, что сдались, и те, что были захвачены в плен на дымящихся руинах, были посажены на колья в назидание людям на городских стенах; крепость на одном из крупных островов в Мраморном море была сожжена, ее гарнизон перебит, а всех жителей острова выловили и продали в рабство, что, по мнению Балтоглу, было справедливой карой за то, что они допустили сопротивление османам на своей территории.

Из больших пушек можно было стрелять лишь по семь раз в день, поскольку из-за отдачи они скользили по влажной земле и скатывались с лафетов; однако они неустанно вели свою разрушительную работу на протяжении шести недель. После первых неудач в Золотом Роге, где десять христианских кораблей охраняли цепь и даже предприняли неожиданную атаку на флот Балтоглу, турецкая пушка, установленная на мысе Пера, потопила одну из галер единственным выстрелом, и остальные корабли поспешили отойти от цепи вверх по заливу, туда, где они были в безопасности.

Осажденные – солдаты, люди мирных профессий, женщины – трудились на стенах круглые сутки, укрепляя пострадавшие от ядер участки досками и мешками с землей, сооружали из бочек бойницы, набрасывали на стены тюки шерсти и драпировали их кусками кожи, чтобы смягчить удары ядер. Ночной штурм, предпринятый янычарами, лучниками

и копьёметателями при мятущемся свете факелов, звоне цимбал и грохоте барабанов, был отбит после четырехчасовой рукопашной схватки, в которой христиане не потеряли ни одного бойца – так крепки были их доспехи.

Конвой из трех нанятых в Генуе папских галер, сопровождавший византийский корабль с грузом сицилийской пшеницы, решил прорваться к городу, воспользовавшись попутным южным ветром и тем, что турки были увлечены попытками справиться с цепью. Осажденные заметили их в тот же момент, что и турки, и все поспешили на берег наблюдать за боем, который вскоре последовал. В полдень высокие корабли христиан выигрывали в скорости у всего турецкого флота, обгоняя его низко сидящие галеры, поскольку выжимали все возможное из сильного попутного ветра, который донес их до самого мыса, а потом внезапно стих. Когда паруса безнадежно обвисли, одно из своеобразных течений Босфора медленно, но неуклонно повлекло корабли прочь от константинопольских стен к Пере, куда уже прискакал сам султан – он то въезжал на коне в воду, то выкрикивал приказания своему адмиралу и, казалось, был готов лично броситься на абордаж.

Сражение между тем продолжалось, хотя порой его трудно было разглядеть в подробностях – так тесно стало на море от турецких судов, которые набросились на христианские корабли, подобно стае саранчи, цепляясь за их борта якорями и крюками, чтобы взять на абордаж. Один генуэзский корабль был окружен пятью триремами, другой – тридцатью баркасами, третий – сорока транспортными судами, однако главные силы турок были, похоже, сосредоточены против неуклюжего византийского галеаса, предназначенного для перевозки зерна, а вовсе не для боев. Сам Балтоглу направил на грузовой корабль свой флагман; вокруг него сражение казалось самым ожесточенным: один за другим отражала его команда бесконечные абордажные приступы, и греческий огонь, византийский аналог напалма, наносил неприятелю огромный урон. Турецкие галеры то и дело сцеплялись друг с другом веслами, а порой и теряли их, когда христиане сбрасывали с высоких бортов своих кораблей металлические снаряды. Генуэзцы были облачены в превосходные доспехи, на их кораблях были запасены огромные бочки с водой, чтобы гасить пламя, а ближе к вечеру, стремясь предотвратить опасность, угрожающую византийскому транспорту, который был хуже вооружен и успел почти полностью исчерпать боеприпасы, генуэзские капитаны каким-то образом сумели связать свои корабли между собой – получилась своего рода плавучая крепость с четырьмя башнями. Когда наступил вечер, сражение все еще продолжалось, но византийцев, наблюдавших за ним со стен, охватило отчаяние, когда они увидели, что к месту боя подтягиваются новые турецкие суда. Даже султан, казалось, немного успокоился, видя, что дело идет к развязке.

И вот, когда солнце уже начало скрываться за горизонтом, снова подул ветер – на этот раз с севера. Паруса христианских кораблей надулись, скрепляющие их канаты были развязаны, и один за другим они снова врезались в скопление галер, прорвались сквозь него и наконец оказались в безопасности.

Один из шейхов немедленно написал Мехмеду послание, в котором предупреждал, что унижение от военной неудачи уже развязало языки: люди говорят, что султану не хватает авторитета и рассудительности. Балтоглу был публично объявлен изменником, трусом и дураком, и не казнили его лишь потому, что сражавшиеся под его началом офицеры утверждали, что он проявил в бою решительность и храбрость. Поэтому он, полуослепший от удара камнем, прилетевшим с одного из его собственных кораблей, был всего лишь бит палками, снят со всех постов, лишен всего имущества и с позором отправлен в ссылку. Теперь Мехмеду необходимо было срочно добиться какого-то заметного успеха. Преследующее его невезение было виной тому, что его не оказалось на месте, когда от стены отвалился большой кусок, и, по мнению осажденных, немедленный штурм мог бы увенчаться успехом, однако

приказ о штурме некому было отдать. Однако именно прозорливое решение султана позволило нанести городу такой удар, от которого ему уже не суждено было оправиться.

Еще в самом начале осады Мехмед начал строить дорогу, которая должна была начинаться на берегу Босфора, огибать гемузскую колонию в Пере и через гребень холма спускаться к северному берегу Золотого Рога. Теперь султан, которому не давала покоя мысль о поражении его флота, приказал ускорить работу. Пушки стали пуще прежнего палить по цели, люди, строящие дорогу, работали при свете костров, и черный дым, стелющийся над Босфором, скрывал происходящее, пока не стало слишком поздно.

Когда военная хитрость была наконец разгадана, над городскими стенами, выходящими к Золотому Рогу, пронесся горестный вздох осажденных. Над холмом на противоположном берегу показался первый из османских кораблей – маленькая *фуста*, разновидность баркаса: весла мерно рассекают воздух под бой барабанов, паруса подняты. А следом под вой дудок, скрип металлических колес, щелканье бичей и мычание волов двигалось еще семьдесят кораблей. Спустившись с холма, они соскальзывали в воды Золотого Рога.

Город был обойден с фланга. Ссора между венецианцами, которые предложили под покровом ночи совершить молниеносный налет на турецкие корабли, и гемузцами, которые, прослышав об этом, захотели тоже принять участие в вылазке, привела к тому, что с ней слишком сильно задержались: планы осажденных были разгаданы, и турки встретили их хорошо подготовленным заградительным огнем, потопившим два корабля христиан. Вылазка стоила жизни девяноста матросам, некоторые из которых, доплыв до берега, были схвачены турками и обезглавлены на виду у осажденных; те в ответ казнили на стенах двести шестьдесят турецких пленников. Вражда между итальянцами настолько обострилась, что императору пришлось призвать к себе командиров венецианцев и гемузцев, чтобы сказать им: «Нам вполне достаточно войны за пределами наших стен».

С удивительной скоростью турки возвели осадную башню, которая медленно двинулась вперед, меж тем как люди под ее защитой пытались забросать ров землей; осажденным удалось сжечь башню и расчистить ров, но новые башни продолжали расти вдоль стен, как грибы. Шла под стенами и другая, не столь заметная работа: команда сербов с серебряных рудников Ново-Брдо начала вести подкопы сразу в нескольких местах. Им противостоял хладнокровный Иоганн Грант, чьи люди заливали туннели водой или сжигали деревянные подпорки. Война под землей прекратилась после того, как несколько пойманных сербов под пытками выдали места подкопов. По крайней мере один подкоп, вход в который был искусно скрыт под одной из деревянных башен, ни за что не удалось бы обнаружить другими способами. Через стены полетели обезглавленные тела.

Между тем в залив пробралась крохотная бригантина. Поначалу защитники города приняли ее за авангард флота, некогда обещанного Западом, но на самом деле это был тот самый византийский корабль, замаскированный под турецкий, что уплыл из Константинополя двадцатью днями ранее – разведать, не идет ли помощь. Когда стало ясно, что помощи ждать не приходится, капитан бригантины спросил своих матросов, куда бы они желали отправиться, и все они, за исключением лишь одного малодушного, заявили, что их долг – вернуться и сообщить императору о неутешительном итоге экспедиции. Когда Константин благодарил их, в его глазах стояли слезы.

Однако Мехмед, разумеется, не знал, какие новости привезла бригантина. Ходили слухи, что венецианский флот уже на Хиосе. Из Венгрии прибыло посольство, сообщившее султану, что заключенное ранее перемирие на три года считается недействительным, поскольку в королевстве сменился регент. За семь недель осады туркам не удалось взять даже внешнюю стену, и пусть осажденные были слабы и падали с ног от усталости (сам император однажды потерял сознание во время беседы со своими сановниками, которые убеждали его покинуть обреченный город и организовать сопротивление за его пределами),

в турецких войсках росло нетерпение, а авторитет Мехмеда падал. Да, он догадался организовать переброску кораблей в Золотой Рог, но цепь по-прежнему была на месте, успешной высадки произвести не удалось, Константинополь не был взят. Именно о таком ужасном развитии событий предупреждал Грек Халиль три месяца назад.

25 мая Мехмед объявил константинопольцам, что снимет осаду, если те согласятся ежегодно выплачивать ему контрибуцию в сто тысяч золотых византинов; или же они могут беспрепятственно уйти из города, забрав с собой все, что в состоянии унести. Предложенная сумма была для византийцев слишком велика, гарантии безопасности – слишком ненадежны, так что Константин выдвинул ответное предложение: отдать все, что ему принадлежит, кроме самого Константинополя. Однако, кроме Константинополя, ему уже ничего не принадлежало; султан ответил, что теперь византийцам осталось выбирать лишь между смертью, сдачей в плен и обращением в ислам. На военном совете великий визирь Халиль-паша решительно выступил за снятие осады, утверждая, что в противном случае будущее молодого султана и его империи окажется под угрозой. Однако Заганос-паша и многие из молодых беев отменили его аргументы, как того и хотелось Мехмеду. Султан велел Заганосу пройти среди войск и выведать их настроение; вскоре тот вернулся и сообщил, что все желают только одного: немедленного решительного штурма.

Две ночи турецкая армия работала при свете костров, засыпая ров землей под визг дудок и рев труб. В воскресенье, в полночь, огни были погашены, и лагерь погрузился в тишину. Понедельник прошел в молитвах и приготовлениях к штурму; султан разъезжал по лагерю, подбадривая своих солдат. Им предстояло три дня грабить город, как то предписывает кораническое право в случае, если воины джихада берут крепость после того, как ее защитники ответили отказом на традиционное предложение сдаться. Мехмед поклялся всевышним Аллахом, Его пророком, четырьмя тысячами праведников и душами своего отца и своих детей, что сокровища будут поделены по справедливости. Стены города не были неприступны – ибо разве не сказано: «Они завоюют Константинию – слава тому правителю и той армии, что сделают это»? Противники, говорил он, немногочисленны и измождены, у них мало боеприпасов и пищи, а итальянцы не станут умирать за чужую страну. От командиров он, султан, ждет отваги и приказывает им поддерживать полный порядок в войсках, ибо завтра он будет посылать в атаку одну волну гази за другой. Велев младшим командирам отдыхать в своих шатрах, Мехмед обрисовал военачальникам план сражения, затем поужинал и лег спать.

* * *

Все то время, что продолжалась осада, священные реликвии Константинополя, те, что избежали разграбления 1204 года, в один голос пророчили гибель города. Иконы источали слезы. Лик Богоматери во время крестного хода упал в грязь, и его никак не могли поднять. С моря налетали внезапные вихри. По водосточным желобам текла кроваво-красная вода. Господь покинул город, посвященный Его образу, может быть, даже в большей степени, чем Рим; Он тихо ушел под покровом густого не по сезону тумана, что окутал весь полуостров в начале марта. Когда туман развеялся, все увидели яркий свет, пляшущий на куполе храма Софии Премудрости Божией; горожане были встревожены, а Мехмед обратился за советом к богословам. Со стен осажденные видели огни, происхождение которых так и не было выяснено, плывущие в темноте где-то за неприятельским лагерем. Надежда, что это костры венгерской армии, оказалась ложной. 23 мая произошло частичное затмение полной луны, и на время в ночном небе повис полумесяц.

Накануне штурма другое чудо, радостное и одновременно грустное, произошло в стенах древнего храма Премудрости Божией. Уже несколько месяцев, в соответствии с послед-

ними уступками Константина Западу, храм находился в распоряжении священников, служащих по латинскому обряду, так что ни один добропорядочный грек не мог заставить себя переступить его оскверненный порог. Вечером, после того как Константин поблагодарил итальянцев и напомнил им о долге перед императором, своими семьями, верой и родиной, в храме началась служба – и на нее пришли все: каталонцы и греки, епископы-схизматики и униатские кардиналы, священники католические и православные; и все люди, которые не были в тот момент на стенах, получали причастие у всякого, кто желал его дать, и исповедовались любому, кто готов был их выслушать.

Однако это неожиданное и трогательное объединение церквей никак не могло изменить судьбу города. За три часа до утренней зари три паши повели войско общей численностью пятьдесят тысяч человек в атаку на трех направлениях. В городе били во все колокола, и даже монахини прибежали на стены с камнями и водой, но многие люди бросились в противоположном направлении – к храму Святой Софии, молясь об исполнении старого пророчества. Ибо было сказано, что, даже если армия нехристей и войдет в город и доберется до самого храма, на пороге возникнет ангел, который прогонит их прочь.

Вначале Мехмет бросил в атаку на стены свои нерегулярные войска – орду, в которой были турки, славяне, венгры, курды, немцы, даже итальянцы и греки – их гнали вперед бичами и пиками, а сзади стояли янычары, готовые зарубить любого, кто попытается убежать. Два часа, в соответствии с планом султана, они изматывали силы осажденных, а затем отошли, уступив место профессиональным анатолийским пехотинцам, каждый из которых жаждал оказаться первым правоверным, прорвавшимся на стену. Как и у нерегулярных войск, их уязвимым местом было само их великое количество: слишком многих можно было столкнуть вниз вместе с одной осадной лестницей или изувечить одним-единственным сброшенным сверху камнем; и даже когда посланное из чудовищной пушки ядро пробивало в укреплениях брешь, бросавшихся в нее турок встречали византийцы во главе с императором, устраивавшие в тесном пространстве бреши настоящую бойню.

Значит, честь взятия города должна достаться личному войску султана – янычарам. Они выступили в бой бегом, но в идеальном порядке, их музыканты играли так громко, что было слышно на другом берегу Босфора. Мехмед сам отправился с ними ко рву и оттуда послал их на штурм стен.

Джустиниани – благородный, энергичный Джустиниани, блестящий военачальник («Чего бы я только не дал, – воскликнул однажды султан, – лишь бы иметь этого человека у себя на службе!») получил огнестрельное ранение с близкого расстояния – пуля пробила нагрудник кирасы. Испытывая сильнейшую боль, охваченный страхом смерти, он приказал – несмотря на мольбы бросившегося к нему императора – перенести себя на свой корабль. Генуэзцы, увидев, что его уносят, в беспорядке кинулись в отступление. «Город наш!» – вскричал султан, и новые силы янычар устремились к стенам.

Внешняя стена была захвачена. Греки, отступающие к внутренней стене, попали под шквальный огонь, который янычары вели по ним сверху. Уже начав карабкаться на внутреннюю стену, турки заметили свой флаг, развевающийся над башней в северной части укреплений, – ибо нападающие случайно обнаружили небольшую дверь, оставшуюся, словно так было предназначено свыше, открытой после вылазки; в нее-то и проникло полсотни турок.

Император попытался собрать своих людей, устремившихся в открытые ворота внутренней стены; но все думали уже только о том, как добраться до своих родных. Ничего нельзя было поделать. Константин с горсткой людей некоторое время сам сдерживал нападавших, но натиск был слишком силен. Последний император Византии бросил наземь императорские инсигнии и плечом к плечу с тем благородным кастильцем, что называл себя его кузеном, бросился в бой с мечом в руке. Больше его не видели.

* * *

Мехмед въехал в город наутро и приказал прекратить грабеж – в нарушение исламского закона. Возможно, он был поражен бедностью, которую никто не ожидал здесь увидеть. Все, что можно было разграбить, было разграблено давным-давно. У входа в собор Святой Софии он слез с коня и бросил на свой тюрбан горсть земли в знак смирения. Зрелище, представшее его глазам внутри храма, было поистине кошмарным. По сей день люди с острым зрением могут разглядеть на одной из колонн на юго-восточной стороне Айя-Софии, примерно посередине, отпечаток руки; считается, его оставил сам Завоеватель, схватившись за колонну, когда его белый конь оступился на огромной гряде тел.

Говорят, что, когда в храме уже резали священников и насиловали монахинь на алтаре, когда женщин и детей, патрициев и плебеев, набившихся внутрь, связывали, чтобы продать в рабство, священник, служивший обедню, взял потир и Святые Дары и, повернувшись спиной к нависшим над ним кривым турецким саблям, шагнул прямо в стену храма, и стена сомкнулась за ним⁹. Мехмед, по преданию, прервал занятие солдата, мирно вырубавшего плиту из мраморного пола, сказав: «Золото – тебе, здание – мне». Затем он отправился во Влахерны, в императорский дворец, у ворот которого двумя днями ранее Константин, приняв причастие, постоял немного, прежде чем отправиться в последний бой за свой город. Мехмед побродил по пустым залам, бормоча себе под нос строки из старинной персидской поэмы: «Сова ухает в башнях Афрасиаба, во дворце цезарей плетет паутину паук».

Не все шло так, как хотелось султану. Он собирался принять на свою службу Луку Нотария, самого высокопоставленного из византийских пленников, известного тем, что сказал однажды, что предпочел бы увидеть в Константинополе султанский тюрбан, чем митру католического епископа. Однако Нотария пришлось казнить вместе со всей его семьей, поскольку он отказался отдать своего сына Мехмеду в наложники. По всей видимости, поначалу султан был обескуражен увиденным в городе опустошением (пустые улицы, разграбленные лавки, покрытые черной копотью дома, заброшенные поля и одичавшие рощи), ибо строительство огромного дворца в Эдирне продолжалось полным ходом, как будто никакого Константинополя и не брали.

⁹ И откроется она, разумеется, только тогда, когда на куполе Святой Софии полумесяц уступит место кресту. В настоящее время это музей.

5 Центр

Мальчиком Мехмед был самоволен и упрям, так что знания приходилось буквально вбивать ему в голову. В возрасте двенадцати лет, когда его отец, Мурад, отправился в поход против эмира Карамана, Мехмед был назначен наместником Румелии. В 1444 году огромная армия коалиции христианских государств вторглась на Балканы, нарушив договоры, скрепленные клятвами на Библии и Коране. Мурад вернулся, собрал войска и нанес христианам сокрушительное поражение у Варны, на берегу Черного моря, причем на копье одного из атакующих был наколот экземпляр попранного договора. Вскоре после этого Мурад отрекся от престола, но через два года Халиль упросил его вернуться, организовав таким образом своего рода бескровный военный переворот. Мехмед, к которому янычары относились с презрением, был сослан в Манису. Когда до него дошло известие о смерти отца (Мурад умер зимой 1451-го, в первый день 855 года по исламскому календарю), он вскочил на коня и вскричал: «Все, кто любит меня, за мной!» Однако призывов было недостаточно, ибо его не очень-то любили. Не случайно Мехмед стал первым султаном, который распорядился выдать солдатам деньги по случаю своего вступления на престол.

После падения Константинополя все изменилось. Все, в том числе венецианцы, генуэзцы и граждане Рагузы, поспешили принести победителю поздравления и выразили готовность при необходимости увеличить сумму дани. Поздравили султана и рыцари Родоса, сообщив, правда, что не могут выплачивать дань без позволения папы. Мехмед стяжал огромную славу и авторитет в исламском мире – для надежности он еще и отправил в турне по мусульманским странам отрубленную голову – якобы голову Константина. Несомненно, поначалу Завоеватель был обескуражен прискорбным состоянием города, однако у него был проницательный взгляд: копоть и руины не мешали ему увидеть главное.

* * *

Константинополь оставался прекраснейшим городом мира. Христиане веками убивали друг друга за право владеть им: крестоносцы, претенденты на императорский престол, честолюбивые сербские правители, болгарские ханы, пившие вино из оправленных в золото вражьих черепов. За тысячу лет Константинополь пережил двадцать девять осад, успехом из них завершилось восемь. Король Неаполя по-прежнему полагал, что права на город принадлежат ему; позже Карл Анжуйский купил у угасающей династии Палеологов императорский титул и совершил ложный выпад – поход по землям Италии, который обеспокоил даже самого султана.

Казалось, по некой прихоти географии или политики этому городу всегда суждено быть первым городом мира. Византийцы считали его пупом Земли. Венецианцы, захватив Константинополь в 1204 году, некоторое время размышляли, не перенести ли им сюда всю свою Венецию, но потом отказались от этой затеи – возможно, потому, что их собственный город был уже так набит награбленными византийскими сокровищами, что слыш-

ком хлопотно было бы везти их все назад. В 1503 году, через пятьдесят лет после османского завоевания, Андреа Гритти, который в юности учился торговому делу в Стамбуле, а позже стал дожем, писал: «Мягкий климат, море, защищающее Константинополь с двух сторон, и красота окружающих земель дарят этому городу положение, которое, как думается, можно назвать прекраснейшим и самым выгодным не только в Азии, но и во всем мире». Бусбек сто лет спустя заметил, что сама природа позаботилась о том, чтобы город, стоящий на этом месте, был столицей мира¹⁰. Еще один венецианец, Бенедетто Рамберти, был настолько потрясен здешними красотами, что написал: «Местоположение Константинополя так очаровательно, что его не только невозможно описать словами, но и затруднительно охватить мыслью». Римский путешественник делла Валле, побывавший в городе в XVII веке, пишет о каскадах домов с нависающими над улицей большими верандами, скрытыми за ставнями, об их тени, о белоснежных зданиях и зеленых кипарисах, и заключает: «Вид сей столь прекрасен, что вряд ли, думается мне, найдется в мире город, который выглядел бы лучше, ежели смотреть со стороны». Многие годы спустя в поисках исполненного идеального очарования образа, достойного украсить купол мечети в Албании или стену в доме торговца-грека, жители империи инстинктивно обращались к ее столице и рисовали купола Стамбула, дворцы и кипарисы на берегах Золотого Рога. Поэт Наби сказал: «Красота эта столь несравненна, что море заключило ее в свои объятия». «Что за удивительный город, – писал Турсун-бей, турецкий историк, служивший при дворе Баязида II, наследника Мехмеда, – здесь за мелкую монетку вас перевезут на лодке из Азии в Европу».

Азия пришла в Европу, церковь стала мечетью, а турецкие женщины стали просить позволения носить византийскую вуаль вместо привычного капюшона с дырками для глаз. Мечты Мехмеда, грезившего о завоевании всего мира, нашли в новой столице империи зримое воплощение. Когда султан въехал верхом в Святую Софию, а имам призвал туда правверных на молитву, этого, в согласии с суровым конкистадорским духом мусульманской веры, было достаточно, чтобы храм превратился в мечеть. Но одновременно по приказу султана среди пленных греков стали разыскивать старого богослова Геннадия Схолария, самого горячего и непримиримого противника унии с римской церковью. Его нашли в Эдирне, в доме торговца, который купил его по дешевке на одной из распродаж, последовавших за падением Константинополя, а теперь, пораженный очевидным благородством и ученостью своего раба, относился к нему с величайшим почтением. Мехмед пожелал, чтобы Геннадий занял патриарший престол; рукоположил его архиепископ Гераклеяский. В исключительное распоряжение патриархата было отдано тридцать шесть константинопольских церквей¹¹, в том числе церковь Святых Апостолов, план которой византийцы скопировали, когда строили собор Святого Марка. Из Иерусалима был призван верховный раввин. Армянского патриарха привезли из Бурсы. Пленники из доли, положенной султану, были освобождены и вновь поселены в Стамбуле, и с тех пор после каждого похода в Грецию и Болгарию он использовал принадлежащих ему пленников, чтобы увеличить население своей столицы.

Тем временем войска султана работали в летнюю жару, ликвидируя последствия нескольких веков небрежения и запустения: чинили подземные водохранилища и акведуки, чистили сточные каналы, мостили улицы камнем. В мумифицированный город вернулось движение жизни: стояли на рейде корабли, в гавани сновали грузовые шаланды, по улицам тянулись торжественные процессии, в оживших кварталах ремесленников раздавались удары молотов. Греки почуяли, откуда дует ветер. Критовул уподобил Мехмеда Александру Македонскому, а Георгий Трапезундский написал ему в письме: «Никто не сомневается, что

¹⁰ Впрочем, прожив в столице мира год под домашним арестом, Бусбек сменил тон. «Мне нравится страна, но не город, – писал он позже. – Тем более что этот город, можно сказать, разваливается на глазах».

¹¹ Шесть лет спустя сербская православная церковь с собственным патриархом в Пече была подчинена греческой.

ты – император римлян. Ибо тот, кто по праву владеет центром империи, есть император, а центр Римской империи – Константинополь».

* * *

Захват Константинополя знаменовал конец звездного часа гази. Здесь влияние беев, как они и боялись, было окончательно подорвано, ибо Мехмед воспользовался своей победой для того, чтобы возвести здание имперской власти, в котором не было места своеволию. Теперь, когда империя начинала приходить в столкновение с более сильными соперниками, чем раньше, ей необходимо было единство, чтобы ее расширение продолжалось прежними темпами.

За взятием Константинополя последовало покорение еще не покоренных греческих земель. Мехмед покончил со всеми византийскими деспотами, возможными претендентами на константинопольский престол и зависимыми от османов греческими правителями от Трапезунда до Пелопоннеса. Критовул был судьей на острове Имброс и единственным из византийцев, с острова не сбежавшим; когда мимо проплывал папский флот, он объяснил гостям сложившуюся ситуацию, был назначен губернатором, а в конце жизни написал «Историю», основанную на греческих и турецких источниках, в которой султан представал героем, а к грекам был обращен призыв смириться, несмотря на все их трагические потери. Согласно договору о сдаче Трапезунда император Давид соглашался переехать с семьей в Стамбул, а все мужчины города были обращены в рабство¹². Братья погибшего византийского императора, Фома и Димитрий, погубили себя своими изменами и беспринципностью. Они затевали распри, когда Мехмед призывал их к братской любви, и начинали войну, когда он требовал мира. Наконец в 1460 году турецкая армия во главе с султаном переправилась через Коринфский залив, и правлению деспотов пришел конец. Фома умер в Риме, сыновья его влачили жалкое существование: один женился на римской куртизанке и умер в нищете, другой от безнадежности вернулся в Константинополь, где получил от государства содержание и, вероятно, окончил свои дни мусульманином. Димитрий, последний из Палеологов, умер в Эдирне в 1470 году. Повезло лишь дочери Фомы Зое: в 1471 году она вышла замуж за великого князя Московского Ивана III и уехала в Россию, увозя с собой древние цезарепapistские притязания и византийского двуглавого орла.

В 1456 году Мехмед во главе армии закаленных ветеранов, героев Константинополя и Софии, двинулся вверх по Дунаю. Его целью был ключ ко всей Центральной Европе – Белград, расположенный на острове при впадении Савы в Дунай. При первом известии о приближении турецкой армии выдающийся венгерский полководец Янош Хуньяди бросился через всю страну к укрепленному острову, и не один, а с верными мушкетерами, и успел буквально за несколько дней до начала осады. Он распорядился снести дома, мешавшие держать подступы к бастионам под обстрелом, и повесить нескольких жителей города, замеченных в дружеских связях с неприятелем; однако пушка Мехмеда сделала свое дело: 13 августа янычары ворвались в город сквозь дымящуюся брешь в стене, перейдя через ров, доверху заваленный трупами.

Не встретив никакого сопротивления, янычары рассыпались по пустым улочкам и кривым переулкам, ведущим наверх, к внутренней крепости. Поначалу их насторожила неожиданная пустота, но затем самоуверенность вернулась к ним, и, продвигаясь к крепости, они стали помечать мелом дома, которые собирались позже разграбить, – и тут по сигналу трубы, раздававшемуся из цитадели, защитники города выскочили из своих укрытий: вылезая из под-

¹² В 1463 г. Комнины были казнены в Семибашенном замке. Императрица Елена похоронила их, вырыв могилы своими руками. В последующие годы до самой смерти она носила власяницу и жила в крытой соломой хижине неподалеку.

валов, словно ожившие мертвецы, прыгая с крыш, они заставляли врасплох разделенные турецкие отряды. Янычары, никак не ожидавшие такого поворота событий, кинулись назад и столкнулись со своими товарищами, продолжавшими проникать в город через брешь. Началось беспорядочное бегство, которое не могли остановить ни призывы султана, видевшего, насколько близко его войско было к победе и с какой легкостью янычары могли бы склонить чашу весов на свою сторону, если бы только развернулись и сразились с защитниками города, которых было гораздо меньше, ни яростный рык аги янычар, ни завывания труб и грохот барабанов, зовущих в атаку. Мехмед был скор на расправу и карал провинившихся военачальников собственной рукой, так что ага янычар, находившийся справа от разъяренного султана, почел за лучшее броситься в схватку, где его быстро зарубили.

Мало того что белградские события восстановили репутацию Хуньяди, пострадавшую после фиаско под Варной, – он еще и умер здесь же через двадцать дней после того, как осада была снята, и тогда легенды о городе и войне сплелись воедино. Турки пугали именем Хуньяди плачущих детей, а когда через восемьдесят лет после его смерти дошли с боем до города Алба-Юлия в Трансильвании, где он был похоронен, – от души отделали его скульптурное изображение, продемонстрировав таким образом смешанную с уважением ненависть, делающую честь памяти Хуньяди, но стоившую его статуе отколотого носа.

Мехмеду не удалось взять ни Белград, ни Родос. Однако он установил контроль над Черным морем и выгнал генуэзцев из их черноморских колоний. Кафа, «маленький Константинополь», пала в 1475 году, после чего полторы тысячи молодых генуэзских дворян пополнили ряды янычар. В 1456 году Мехмед дал своим войскам отдохнуть, а сам все лето предавался чтению Птолемея, чья концепция так хорошо совпадала с его собственными взглядами на мир. Когда турки прошли по берегам Пьяве, с крыш Венеции было видно зарево пылающих деревень. В 1480 году военачальник Мехмеда великий визирь Ахмед Гедик-паша, покоритель Крыма, высадился, не встретив сопротивления, на юге Италии, захватил Отранто, который тогда считался ключом ко всему полуострову, и устроил в городе кошмарную резню. Только смерть султана вынудила его вернуться в Стамбул.

6 Дворец

У каждого урагана есть центр, где нет ни ветерка, но в тихом, замершем воздухе чувствуется вся мрачная энергия бури. Для ислама таким центром была Кааба в Мекке – таинственный каменный куб, который, как верили некоторые, был установлен Адамом прямо под точно таким же зданием на небесах; другие же полагали, что Бог создал его в самом начале творения, после чего построил вокруг Мекку, Мекку окружил святой землей и только потом приступил к работе над всем остальным миром. Здание было обтянуто плотной черной тканью, расшитой строками Корана, а в его юго-восточном углу находился Черный Камень, глаз Всевышнего на Земле. Всякий, кто прикасается к нему, получает благословение; обходя Каабу, паломники целуют его семь раз.

Для простого люда центром, возможно, было дерево. «Да будет проклят человек, приносящий вред дереву, дающему плоды», – сказал Пророк. Образ дерева был глубоко укоренен в османской традиции. Первый вещий сон, увиденный Османом, был о дереве судьбы: оно выросло из его груди, и его заостренные листья, словно наконечники копий, были направлены на христианские земли. Скрюченное, кривое дерево росло в каждом городке и в каждой деревне империи посреди пыльной площади; мужчины собирались под ним, чтобы обменяться последними новостями и слухами. Вот и посередине Ипподрома, в центре Стамбула, то есть в самом сердце империи, было дерево, которое называли Янычарским. Позже, во времена преторианской вседозволенности янычар, они любили устраивать под ним сходки в начале восстаний и вешать на нем неугодных. «Огромные сучья этого дерева, – писал один путешественник в 1810 году, – бывают в иные дни так густо увешаны телами, что оно представляет собой поистине тошнотворное зрелище».

Что касается политической географии империи, то абсолютная тишина – «тишина глубже пифагорейской», как писал Кантемир, – царила в самом центре ее бытия – во внутреннем дворе султанского дворца. На границах империи османский мир пребывал в бешеном движении, вбирая в себя сокровища, людей и целые страны; били барабаны, выли трубы, войска шли в атаку с громоподобным боевым кличем, звенели сабли, ревели пушки, стонали умирающие, – но здесь, в центре, едва ли можно было различить хоть какое-то движение.

Мехмед не стал ни ремонтировать лежавший в руинах Большой дворец Константина, ни обустроиваться в укрепленном Влахернском дворце на берегу Золотого Рога: они напоминали о былых временах и былых владельцах. В 1458 году, вскоре после завершения работ в Старом дворце, султан приказал построить еще один, Топкапы, на мысе, где ранее находился Акрополь. Во время похода в Грецию Мехмед попросил у афинян позволения посетить легендарный город мудрецов. Турецкая армия находилась в считанных километрах, так что жители Афин возражать не стали. Мехмед провел три дня, изучая укрепления города, что семь лет спустя помогло ему взять его; но осмотрел он и многие памятники Античности, приведшие его в восхищение, – в том числе и великолепный Акрополь.

С константинопольского Акрополя открывался вид на два водных пространства: Босфор и Золотой Рог. Прежде чем начать строительство, Мехмед, следуя советам персидских вельмож и итальянских архитекторов, приказал вырыть в склоне уступы и выровнять их. Историк XVI века Мустафа Али писал, что «султан, прославленный во всем мире, должен построить свой дворец на территории обширной, как пустыня, чтобы можно было похвалиться им», так что сегодня дворец Топкапы напоминает окаменевший лагерь какой-то разбитой армии. Даже в лучшие времена дворец, как правило, вызывал у иностранцев недоумение: скажем, Саломон Швайггер, современник Мустафы Али, писал, что его маленькие приземистые строения словно высыпаны на землю из мешка. Причем дело здесь было не в том, что, как предполагали некоторые близорукие или недоброжелательно настроенные гости, османы не умели возводить величественные сооружения: в любом уголке империи можно было обнаружить огромные мечети, медресе, больницы, бани, постоянные дворы и библиотеки, свидетельствующие о том, что турки способны творить из камня огромные и при этом гармоничные здания.

Дворец Топкапы был лишен скульптурной завершенности чистой архитектуры. Он представлял собой ряд отграниченных пространств, связи между которыми были упорядочены церемониалом. Люди со стороны, вынужденные часами ждать аудиенции во втором дворе, в какой-то момент понимали, что фигуры, стоящие вдоль стен, – не каменные карикатуры, а живые люди, пребывающие в абсолютной неподвижности. Зрелище это, похожее на галлюцинацию, несомненно, сильно действовало на нервы; оно было олицетворением не только богатства, но и воли.

В Топкапы было три двора. В первом жизнь дворца еще смешивалась с жизнью города. Во втором, едва ли более пышном, чем первый, находились государственные службы, архивы и зал, в котором собирался диван, совет высших сановников империи, чтобы нужные документы в случае необходимости могли быть доставлены незамедлительно. Диван собирался четыре раза в неделю; присутствующим подавали легкий плов, за который платил великий визирь. Султан при желании мог слушать речи своих советников, оставаясь невидимым, сквозь небольшую занавешенную решетку, «Глаз султана», за которой находилась комната, принадлежащая уже к его личным покоям – гарему, расположенному в третьем и самом закрытом для посещения дворе, вход в который назывался Воротами Счастья. В названии этом не было намека на множество обитавших в гареме прекрасных женщин – имелось в виду величайшее счастье, царящее в месте, которое освятил своим присутствием султан, халиф всех правоверных.

Во внешних дворах совершались свадьбы и церемонии обрезания представителей дома Османа; там же выставляли насаженные на шесты головы предателей, выплачивали деньги и принимали послов. В часы заседаний дивана по второму двору сновали туда-сюда такими средневековыми электронами посыльные и писари. Впрочем, в присутствии султана, если он того желал, могли наступать минуты тишины и образовываться участки полного спокойствия. Направляясь во дворец, человек замечал, как постепенно глохнут вокруг все звуки: из суматохи первого двора он попадал во второй, где рос сад и бродили газели, а затем – в безмолвие святая святых, «где никто не говорит, пока не прикажут, и нельзя беседовать между собой, и никто не осмеливается даже чихнуть или кашлянуть». В двадцатые годы XVI века султан Сулейман ввел здесь *ишарет*, язык жестов, которым объяснялись глухонемые.

Дворец был царством не только безмолвия, но и церемониала. Коня, на котором султан, следуя в мечеть на пятничную молитву, проезжал небольшое расстояние по улицам, накануне подвешивали на ремнях, дабы он шел с неторопливой важностью. Султан должен был шествовать по дворцу медленно и величественно; все прочие, от поваренка до великого визиря, передвигались бегом. Обитательницам гарема, не получившим приглашения разде-

лить с султаном ложе, следовало, заслышав ночью шаги своего повелителя, обутого в подбитые серебряными гвоздями тапочки¹³, бесшумно скрываться с его пути.

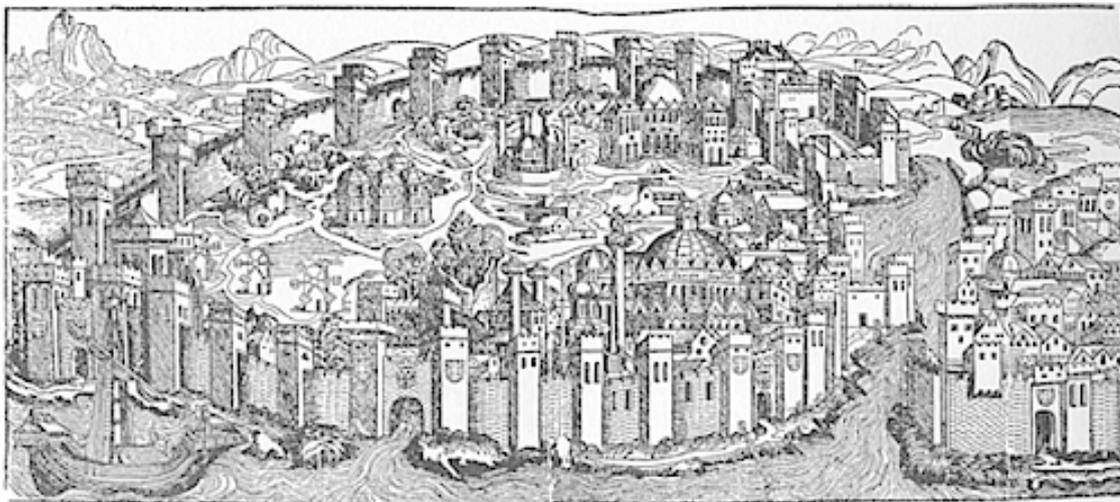
Джордж Сандис, наблюдавший пятничный выезд в мечеть в начале XVII века – впереди султан на том самом несчастном коне, за ним на почтительном расстоянии визиря, великий муфтий в огромном тюрбане, янычары в доспехах, кавалерия, сгрудившаяся вокруг толпа желающих своими глазами увидеть султана, – чувствовал себя неуютно. «Стоило только закрыть глаза, – писал он, – так, словно у тебя есть одни лишь уши, и можно было подумать (за исключением того момента, когда толпа приветствовала султана тихим и непродолжительным шепотом), что все эти люди погружены в сон и вокруг стоит ночь».

Название «Высокая Порта» (то есть «Высокие Ворота») закрепилось за правительством империи в середине XVII века. Народ теснился у дворцовых ворот, и правосудие творилось здесь же; от положения человека в государстве зависело, открывались ли перед ним те или иные двери или оставались закрытыми. Тот же самый принцип действовал в самом простом лагере кочевников, где вождь мог выразить свое отношение к человеку через церемонию и жест: вставать или не вставать, принимая гостей, позволять им сесть или нет. К концу XVI века сложился следующий церемониал приема иностранных послов: они должны были ползти к подножию трона на четвереньках, сопровождаемые стражами, и в течение всей аудиенции эти стражи держали их под руки – не потому, что, как думали некоторые, султан боялся покушения, а чтобы гость не упал, потеряв чувства при виде повелителя Вселенной.

Дворец представлял собой модель универсального и трансцендентального мирового порядка. Власть султана исходила из его покоев вовне, из империи в настоящем ее виде к империи, какой она должна была стать – покорившей весь мир; из внутреннего двора во внешние, из дворца в город и из города к границам. А в центре дворца высилась Башня Правосудия, глаз султана, откуда он мог заглянуть в сердца людей и убедиться, что правит справедливо.

Именно султан, а не дворец, был подлинным центром империи. Куда бы он ни отправился, в Старый дворец в Эдирне или в военный поход, он был окружен одной и той же привычной обстановкой и теми же лицами, и так же было организовано вокруг него пространство, разве что в военном лагере камень сменяла ткань шатров. Султан был повсюду, порой даже в самом прямом смысле слова в народной гуще – когда он инкогнито бродил по базарам: Мехмед Завоеватель накануне осады Константинополя, готовый убить любого, кто узнает его; Сулейман в одежде сипахи и Мехмед IV в лохмотьях дервиша (однажды он был так впечатлен умными суждениями разговорившегося с ним пекаря, что на следующее же утро назначил его великим визирем); Селим I, который, как говорят, возвысил пьянчугу, впервые показавшего ему дорогу в рай, проходящую сквозь горлышко бутылки; и Мурад IV, подружившийся, себе на погибель, с неким Бекри Мустафой, которого впервые увидел на рынке «валяющимся в грязи и мертвецки пьяным».

¹³ Эти тапочки оплачивались специальным подушным налогом с целого народа, пусть и маленького, о чем черногорцы со стыдом вспоминали даже столетия спустя.

Константинополь. Хроника Шредера. 1493

* * *

Константинополь – перекресток континентов, печать империй – был средоточием крайних, абсолютных величин. Здесь все время было или слишком жарко, или слишком холодно. Здесь встречались Европа и Азия. Здесь соединялись друг с другом моря. Дворец был городом в городе, и султан жил в нем (по выражению Блеза де Виженера) как самовлюбленный Нарцисс; однако другой автор, почтительный подданный Мустафа Али, уподобил его устрице в раковине.

* * *

Со взятием Константииние, как официально продолжал называться этот город¹⁴, сбылось пророчество, память о котором красной нитью проходила сквозь историю ислама. Под властью турок этот город стал самым большим в мире – и самым прожорливым, так что снабжение его продовольствием было организовано по армейскому принципу. В центр Османской империи, украшенный мечетями, источниками, школами и благотворительными заведениями, он превратился по воле Мехмеда. Среди законов, вышедших из дворца в его правление, был и ужасный закон о братоубийстве, который гарантировал, что империей может управлять только один человек. Этот закон, в оправдание которого (довольно натянутое) приводилась строка из Корана, в которой говорится о том, что лучше смерть принца, чем потеря провинции, предписывал султанам казнить своих братьев и племянников, чтобы предотвратить борьбу за власть (права первородства османы не знали). Однажды в покой, где проходило заседание дивана, явился старик турок и бесцеремонно спросил, кто из собравшихся – счастливый султан. По всей видимости, Мехмед испытал в этот момент столь сильное унижение, что решил вообще больше не присутствовать на заседаниях дивана, ибо существованию почти божественного ранга это не подобает. Он казнил Халилия, выразителя чайний гази, и уничтожил все наследственные привилегии, кроме своих собственных. Закон о церемониале покончил с обычаями былых времен, когда султан трапезничал со своими соратниками и вставал при звуках военной музыки в знак верности давным-давно ушедшим сельджукским

¹⁴ Простонародное название Стамбул (тур. Istanbul), возможно, является искаженным греческим *eis tin polis*, что означает «к городу». По крайней мере это лучшее из нескольких не слишком убедительных объяснений. Все время существования империи в официальных документах и на монетах город именовался Константииние.

правителям – Мехмед без обиняков заявил, что они давно мертвы. «Вот моя воля: султан должен обедать в одиночестве», – сообщил он своим подданным, и обычай преломлять с ними хлеб превратился в ритуальное событие, происходящее раз в два года.

«В нашей лампе горит масло, которое мы добываем из сердец неверных», – однажды написал Мехмед, говоря о том единственном институте, что делал Османскую империю столь удивительным государством, решительно не похожим ни на одно другое. Ничто в бурном приливе османских завоеваний не воплощало так явственно его текучую натуру, как бесконечный процесс появления, возвышения и исчезновения высших лиц государства, тех, кто, собственно говоря, и были османами – султанских рабов.

Способы распределять власть, не отдавая ее, были известны во многих государствах. Римляне и персы использовали для этой цели евнухов, европейские короли – давших обет безбрачия священников, а китайцы придумали знаменитую систему экзаменов, позволявшую включать в ряды правящей элиты скромных, но энергичных ученых людей.

Мурад II ввел систему *девширме* в 1432 году, при Мехмеде она обрела логическое завершение. Примерно раз в три года в деревни Греции и Балкан отправлялся сборщик живой дани, задачей которого было отобрать самых лучших мальчиков из христианских семей для службы султану. Для этого он сверялся с приходскими метриками, которые ему предоставляли местные священники или старейшины. После того как мальчиков доставляли в Стамбул, их рассылали в анатолийские деревни – работать, набираться сил и учить турецкий; а оттуда, будучи уже обращенными в ислам, они поступали в школы. От способностей мальчика, от его внешности («Порочная и низкая душа весьма редко обитает в человеке, чье лицо открыто и невинно»), от осанки, характера, ума, набожности и силы зависело, для какой именно службы султану он будет признан годным. С этого момента он становился и до самой своей смерти оставался рабом султана, за каждым шагом которого внимательно и оценивающе следили.

Эти юноши и их старшие товарищи представляли собой своеобразное братство рабов под покровительством султана, своего господина. Поскольку ни одного человека, рожденного мусульманином, нельзя было обратить в рабство, их собственные сыновья к этому братству не принадлежали. А значит, в империи не могло быть должностей, передающихся по наследству (Мехмед пресек эту практику, казнив Грека Халилия), и у династии Великого турка не могло появиться конкурентов. Из тридцати шести великих визирей, занимавших этот пост после Халилия, тридцать четыре не были мусульманами по рождению. Из всех европейских государств в одной лишь Османской империи не было наследственной аристократии. *Каныкулу* – так называли рабов султана – был оторван от семьи своих родителей, поскольку те жили далеко и принадлежали к иной вере, и отчужден от своих детей, ибо они были свободны и никак не могли воспользоваться достижениями отца для выстраивания своей собственной карьеры.

Становясь рабами султана, мальчики мало что теряли. В горных деревушках, где они жили, зачастую не было священника, а если и был, то такой же невежественный или по крайней мере такой же бедный, как его паства, и склонный пренебрегать своими обязанностями. Церквей было мало. Деревенские жители верили в духов, вурдалаков и прочую нечисть, которую следовало задабривать, изгонять или просить о помощи посредством колдовства, амулетов, магических снадобий, заклинаний, обрядов и празднеств с жертвоприношениями животных; так что, добравшись до Анатолии, мальчики, скорее всего, впервые в жизни знакомы с упорядоченной религией. Дервиши ордена бекташи, с которым янычары были официально связаны начиная с 1543 года, не считали нужным следовать некоторым из самых характерных предписаний ислама, например разрешали пить вино и не закутывать женщин в паранджу. Возможность неискреннего обращения в ислам турок не смущала, поскольку они полагали, что если человек совершает все положенные формальные обряды, то в скором

времени уверует; кроме того, они подозревали, что возвращают детей в религию, в которой те изначально были рождены, – ибо каждый ребенок, по мнению создателя янычарского корпуса Кара Халиля Чандарлы, приходит в этот мир с начатками ислама в душе.

Что могло сравниться с необыкновенным приключением, когда из тяжелой, скучной жизни в глуши ты вдруг попадаешь в совершенно новую, удивительную вселенную, из ограниченного деревенского мирка – в космополитический центр империи, из нищеты – в жизнь, где перед тобой открыты все возможности разбогатеть, из стада – в ряды правителей, воинов, носителей власти? Если мальчик обладал нужными способностями, его могли сразу же зачислить в одну из дворцовых школ под начало ужасного главы белых евнухов, чью жестокость Райкот объяснял или завистью к мужчинам, или же близостью к «жестокому полу». Мальчики учились, совершенствовались в военном деле, становились сильными и красивыми, а также сведущими во множестве наук; многие обнаруживали какие-либо особенные способности, например к пению или архитектуре, или, скажем, талант красиво наматывать тюрбаны (далеко не последнее искусство при дворе). Они в совершенстве усваивали традиции и обычаи дворца – самым первым делом их учили быть почтительными и соблюдать тишину. Им необходимо было смирять бурлившие в них силы и пребывать в полной покорности; зато потом, когда у них отрастали бороды, их рассылали в провинции на важные должности, ибо, как говорили турки, «для того чтобы уметь управлять, сначала нужно научиться подчиняться». Другие выпускники дворцовой школы шли в дворцовую стражу или пополняли ряды сипахи – регулярной кавалерии султана.

Янычар

* * *

Янычары, происходившие из тех же мальчиков-девширме, были людьми попроще. Из этой мускулистой братии получались садовники, привратники, помощники поваров, дровосеки, землекопы, корабельные матросы и пехотинцы. (Причем в любой момент юношу, в котором сначала проглядели какие-нибудь способности, могли направить в дворцовую школу.) Они тоже учились жить сообща, ели и спали вместе; традиции полка прививались им с самого первого дня, когда они клялись в верности своим товарищам на Коране, соли и сабле. Новобранцам выделялись постели, кишасшие вшами. От них требовалось, чтобы они выглядели бодро, стирали одежду своих старших товарищей и готовили им еду. Даже вполне взрослым янычарам не позволялось жениться: их семьей был полк. У каждого полка была своя форма и военный оркестр (задолго до того, как эту практику перенял Запад), который на марше играл музыку степенную и торжественную, а во время атаки – такую устрашающую, что у противников кровь стыла в жилах, а их лошади в страхе шарахались в стороны; на

янычар же эта музыка действовала в высшей степени воодушевляюще, и если она смолкала, они бежали от врага.

Когда люди Запада осознали принцип, лежащий в основе всей этой системы, у них буквально волосы встали дыбом от ужаса. Механизм девширме идеально подходил империи, созданной для войны: если военная добыча использовалась для финансирования новых походов, то захваченные земли поставляли все новых и новых людей, которые после обучения в столице усердно служили делу расширения границ государства. Что еще хуже, практика Османской империи полностью противоречила аристократическому принципу наследуемости, который был столь мил сердцу любого гостя из Европы. Раз за разом османы доказывали, что происхождение человека не имеет никакого значения. «Туркам все равно, чьи это дети – людей знатных или же рыбаков и пастухов». Убедившись, что система девширме работает, венецианцы прониклись к ней уважением; Морозини признавал, что все турецкие сановники обладают благообразной внешностью и производят приятное впечатление, хотя их манеры и грубоваты.

Столь же ужасно было то, что османская система подрывала убеждение в превосходстве христианства: обращение в ислам, как правило, было добровольным. Западным путешественникам нравилось думать, что кресты, вытатуированные на руках или лбах некоторых из встреченных ими балканских мальчишек, имели целью сделать их негодными для набора; однако некоторые другие изображения (например, полумесяц), равно как и сам этот обычай, имели исламское происхождение. Многие янычары татуировали эмблему своего полка на ноге и на плече. Свидетельства о том, что набору мальчиков оказывалось сопротивление, весьма немногочисленны, хотя сборщики живой дани передвигались открыто и не делали секрета из своего маршрута, а на Балканах существует бесчисленное количество способов при желании спрятаться так, что не найдут. Сборщики были непреклонны, но действовали обдуманно и без неуместной жестокости. Они не трогали детей вдов и оставляли в семьях единственных сыновей. Передвигаясь по мусульманской Боснии, конвои выставляли усиленную охрану, дабы пресечь попытки местных жителей подменить кого-нибудь из мальчиков своим сыном. Сборщики избегали забирать детей, уже знающих турецкий, выучившихся какому-либо ремеслу или проживших какое-то время в городе; не брали они и сирот, чья жизнь успела научить хитрости и умению самостоятельно заботиться о себе.

Венецианцы полагали, что гармония, которой недостает в османских постройках, проявляется у турок в архитектуре имперской власти. Венецианские *relazzioni*, то есть отчеты послов сенату по возвращении из Стамбула, были сами по себе изящнейшими образцами словесности, написанными в соответствии со всеми бесчисленными венецианскими канонами хорошего вкуса, – но не только поэтому они вызывали у современников такой интерес, что их можно было приобрести в Риме (притом что они были вообще-то секретными) по цене пятнадцать паоли за сто страниц; оттуда они расходились по королевским дворам и библиотекам Европы. Наблюдатель XVI века назвал систему капыкулу безжалостной меритократией. «Судьба и счастье каждого поистине зависят от него самого. Все они рабы одного хозяина, от которого только и получают награды и богатство и который, с другой стороны, один волен наказывать их и предавать смерти – стоит ли удивляться, что в его присутствии и в соперничестве друг с другом они способны на изумительные свершения?» «Они подбирают людей, – сообщал Бусбек¹⁵, – как мы подбираем себе лошадей. Именно поэтому они

¹⁵ Фламандский аристократ Ожье Гислен де Бусбек – автор четырех великолепных «Турецких писем», которые он написал, будучи с дипломатической миссией в Стамбуле в 1554–1562 гг. Этот выдающийся дипломат был также ботаником, зоологом, лингвистом, полиглотом и антикваром. Его восхитительные «Письма» – один из лучших источников сведений об Османской империи XVI в. Кроме того, Бусбек привез на родину сирень, тюльпан, копию Monumentum Ancyratum [лат. Анкирский памятник], самой знаменитой из всех латинских настенных надписей, 240 античных манускриптов, богатую коллекцию древних монет и бесценный крымско-готский словарь. Он всегда сохранял свежий взгляд на вещи, любопытство

владевают над другими народами и с каждым днем расширяют границы своей империи. Нам такие идеи не свойственны; у нас способностями высокого положения не добиться; все определяется происхождением; благородное происхождение – единственное условие для того, чтобы сделать карьеру».

Капыкулу несомненно были рабами султана, и все-таки слово «раб» – не вполне точный перевод термина. Султан обладал над ними абсолютной властью, был волен распоряжаться их жизнью и смертью, ему принадлежало все их имущество, но все же это рабство никогда не было похоже на то, которое существовало на плантациях в Америке. В положении капыкулу не было ничего позорного или недостойного. Их нельзя было купить или продать. С другой стороны, при всем своем могуществе они не имели ничего общего с аристократией. Мало того что они не могли передавать свои должности по наследству – все имущество, которым они владели, все их богатство было лишь атрибутом их положения в государственной иерархии, и если они это положение теряли – в случае ссылки или казни, – их имущество оставалось внутри системы. «Когда они умирают, – сообщает барон Вратислав, – император говорит: «Ты был моим слугой, ты получил свое богатство от меня, и после твоей смерти оно должно вернуться ко мне». Эти люди, беспрекословно подчиняющиеся воле султана, зависящие от его милости, получающие от него средства к существованию, были, в сущности, не кем иным, как большой приемной семьей султана, во всем послушной своему главе, который сам был сыном рабыни и обладал по отношению к капыкулу примерно теми же правами, которыми отец семейства в ту эпоху обладал по отношению к своим детям. Звание раба султана не только не было бесчестьем – это была самая великая честь, какой мог похвастаться житель Османской империи.

Османский сановник

Капыкулу жертвовали всем, чтобы достичь вершин власти, – и при этом, подобно янычарам, которым укорененная в сознании идея самоотречения не мешала разгуливать по улицам Стамбула с важным и гордым видом, им было известно, что они – лучшие люди империи. В детстве с ними случилось чудо, благодаря которому они прошли сквозь невидимую дверь балканских полей и пастбищ¹⁶. Воспитание и образование, которое они получили, вкуче с суровой процедурой отбора, через которую им всем необходимо было пройти, прежде чем достигнуть вершины, наверняка придавали им стремление к великим свершениям и такую широту кругозора, какой не было ни у одного правящего сословия в истории человечества. Их гордость можно считать оправданной и простительной, ибо они были идеально приспособлены для того, чтобы править. Западный феодал, разумеется, имел представление о своих землях, но его положение не зависело от его талантов – он получал его по праву рождения и мог быть совершенной бездарью; капыкулу же не только изучал науку управления, но и хорошо знал жизнь своего народа. Зачастую в нем сохранялась любовь к простым людям. В 1599 году в резиденцию великого визиря с какой-то жалобой явился нищий крестьянин в лохмотьях, несущий на плече живую овцу; как раз в это время аудиенции ожидало посольство Священной Римской империи, собиравшееся обсуждать условия перемирия, – однако крестьянина пропустили к великому визирю первым.

¹⁶ В 1512 г. живая дань была впервые взята на территории Анатолии; среди мальчиков, увезенных тогда из семей, был и будущий великий архитектор Синан.

Посредством рабов султана его власть пронизывала всю империю. Они были глазами, ушами и руками своего повелителя (само слово «визирь» означает «нога султана») – и после того как капыкулу достигал высокого положения, означавшего не только богатство, но и близость шнура палача, даже о смерти его говорилось в действительном залого. «Поскольку ты заслуживаешь смерти по таким-то и таким-то причинам, нам угодно, чтобы ты отдал свою голову нашему посланнику», – сообщалось ему. Точно так же в лучшие времена султан мог попросить своего раба подать ему тапочки или усмирить мятежную провинцию. Время от времени бывало и так, что обреченный раб пытался оказать безнадежное сопротивление; известен также случай, когда один сосланный на Кипр визирь умер от страха при виде посланника султана, прежде чем шнурок успел коснуться его шеи. Элиас Ханеши рассказывает ужасную историю о паше, который пытался вырваться из рук убийц: «Палач, искусный мастер своего дела, умевший рассекать пополам подброшенное в воздух яблоко, промахнулся, нанося удар по его шее, отчего его жертве пришлось испытать страшные мучения». Однако большинство приговоренных вели себя с той же полной достоинства покорностью, с которой выполнили бы любое распоряжение султана. «Значит, я должен умереть? Да будет так», – сказал Кара Мустафа. Он вымыл руки и сам обнажил свою шею. Палач удушил его шелковым шнурком, после чего отрубил голову и доставил ее, как полагается, во дворец в бархатном мешке.

* * *

В 1524 году, незадолго до начала блестящей военной операции, завершившейся завоеванием Родоса, где находилась считавшаяся неприступной крепость рыцарского ордена Святого Иоанна, султан Сулейман обратил внимание на одного из своих слуг. Ибрагим, сын греческого моряка, был на год старше султана. В детстве он был пойман пиратами и продан одной вдове, жившей в Магнезии. Та дала ему начальное образование и поспособствовала тому, чтобы его взяли во дворец. Там симпатичный и сообразительный юноша в совершенстве выучился турецкому, персидскому, греческому и итальянскому языкам и игре на виоле, полюбил читать исторические сочинения и героические поэмы. Познакомившись с Ибрагимом поближе и найдя с ним общий язык, молодой султан мгновенно назначил его великим визирем.

Ибрагим трудился изо всех сил, чтобы оправдать доверие султана. Сулейман пожаловал ему знак высочайшей власти – шесть бунчуков, притом что у самого султана было семь, а великим визирям обычно предоставлялось четыре. Молодые люди стали неразлучными друзьями. Они вместе ходили в военные походы, вместе обедали, даже жили в одном шатре. В 1523 году наместник Египта, рассчитывавший получить ту самую должность, что досталась Ибрагиму, поднял восстание. Ибрагим получил задание усмирить мятежную провинцию и так в этом преуспел, так искусно сконструировал систему сдержек и противовесов и столь мастерски распорядился огромными ресурсами этого края, что в Египте затем полтора века царил покойствие; та же система позже применялась во многих других провинциях. Ибрагим сделал так, что янычары присматривали за казначеями, а османские наместники – за муфтиями, и наоборот; он следил за тем, чтобы военачальники и казначеи назначались из Стамбула и перед Стамбулом отчитывались в своих действиях, и ввел закон, разрешавший мамлюкам занимать высокие должности где угодно, кроме Египта. Он принял в высшей степени разумные меры в финансовой сфере: сбор налогов был поручен откупщикам, которые должны были предоставить государству определенную сумму, а все, что собрано сверх нее, оставляли себе. По возвращении из Египта в 1524 году Ибрагим женился на сестре султана. Шесть лет спустя Сулейман устроил торжества по случаю обрезания своих сыновей, по окончании которых спросил своего великого визиря, чей праздник был великолепнее.

«Мой, – ответил Ибрагим, – ведь у тебя не было такого гостя, как у меня, ибо мою свадьбу почтил своим присутствием владыка Мекки и Медины, Соломон нашего времени!»

Бедный Ибрагим! Такого рода беседы между друзьями – плохой знак. Когда великий визирь отправился с походом в Персию, его армия попала в тяжелое положение на территории, специально разоренной шахом во время тактического отступления; положение пришлось спасти Сулейману. Затем западные послы были поражены, услышав от Ибрагима, что вести переговоры с ним – то же самое, что говорить с самим султаном. В 1536 году, мартовским утром, великий визирь был найден мертвым в своей спальне, расположенной вблизи спальни султана. Венецианского посла Альвизе Гритти известие об этом не удивило. Ибрагим забыл, сказал он, что его ничто не сможет спасти, если султан велит своему повару его прикончить.

7 Война

Смыслом существования Османской империи была война. Наместник любой провинции был военачальником, каждый городской стражник – янычаром; каждый горный перевал охранялся, а у каждой дороги было военное назначение. Даже самый хлипкий и кроткий ученик дворцовой школы превосходно умел обращаться с копьем и луком, а также владел приемами борьбы – любимого спорта османов. В 1683 году, во время осады Багдада, персы предложили решить дело одним поединком, на который выставили настоящего геркулеса. Против него вышел сам султан Мехмед IV и одним ударом рассек пополам голову перса вместе со шлемом. Даже сумасшедшие – *дели* – были объединены в особый полк, который, благо они не возражали, использовался как живой таран или мост (в XVIII веке на смену этому полку пришел другой – «полк потерянных детей»). Неожиданные вспышки мира приводили к беспокойствию, ибо люди жаждали добычи и славы. Георгий Венгерский был одним из первых европейцев, близко познакомившихся с устройством османской армии, – в 1438 году он попал в плен, из которого освободился лишь двадцать лет спустя.

Когда объявляется сбор армии, они съезжаются с такой охотой и быстротой, что можно подумать, будто их пригласили не на войну, а на свадьбу. Они собираются в течение месяца в том порядке, в котором их созывают, пехотинцы отдельно от кавалеристов, под начало назначенным им командирам, и тот же порядок они соблюдают, разбивая лагерь и готовясь к бою. На войну они идут с великим воодушевлением; многие вызываются идти вместо своих соседей, и те, кого оставляют дома, чувствуют себя несправедливо обиженными. Они утверждают, что лучше умереть на поле боя под градом стрел и копий врага, нежели дома, под слезы и причитания старух. Тех, кто погиб на войне, не оплакивают, а перевозносят как святых и победителей, ставят их в пример другим и относятся к их памяти с величайшим уважением.

«Я был рожден, чтобы держать оружие», – сказал Баязид. Француз Бертран де ла Брокьер, которому в 1462 году выпал шанс наблюдать армию Мехмеда II в действии, заявил, что не видит никаких препятствий к тому, чтобы это великолепное войско при желании покорило всю Европу. В 1576 году ему эхом вторил венецианец, полагавший, что над христианским миром нависла угроза уничтожения. «Империя обладает военными силами двух видов, – делится он ценной информацией, – сухопутными и морскими. И те и другие вселяют ужас». Сухопутные силы империи, в свою очередь, тоже делились на два вида: легкую, летучую кавалерию, состоящую из представителей турецких семейств, и тяжелую, невозмутимую пехоту.

Пехота формировалась из янычар. Эти дети балканских пастухов и земледельцев обладали как сильными сторонами, свойственными крестьянам, так и крестьянской же ограни-

ченностью. Их взгляд был устремлен под ноги, на землю, которую нужно захватить или удерживать против превосходящих сил противника. Они очень по-крестьянски ценили пищу – до такой степени, что звания их офицеров были позаимствованы на кухне: раздатчик похлебки, водонос, повар, поваренок. Потеря знамени полка в бою считалась позором, но потеря полкового котла влекла за собой разжалование всех офицеров. Янычар, разгуливающий по улицам Стамбула, был персоной привилегированной; не будучи богат, он носил пышное одеяние и держал себя с достоинством солдата, честно заслужившего свое особенное положение среди людей, которое, в том числе, означало неподсудность обычному суду. Он был совершенной боевой машиной с головы до пят, от верхушки белоснежного тюрбана до грубых красных туфель. Английский посол однажды посмеялся над маленькими лопатками, привязанными к их поясам, и сказал, что янычары больше похожи на землекопов, чем на солдат. Его более умный собеседник тоже посмеялся, но напомнил, что «именно такого рода оружие скорее, чем аркебузы и пушки, помогло туркам отнять у наших единоверцев такие твердыни, как Родос, Агридженто, Хиос и множество других прославленных крепостей. Я не могу представить себе, какая сила способна уберечь крепость, когда сотня тысяч этих людей, а то и больше, собирается под стенами и начинает одновременно орудовать своими лопатами».

Сипахи, то есть кавалеристы, всегда были исключительно турками и мусульманами по рождению, потомками гази былых дней как в переносном, так и в самом прямом смысле слова. Когда сипахи садился на коня и брал в руки лук, а в ушах у него звенел клич командира: «За мной, мои волки!» – он превращался если и не в первого со времен мифической древности кентавра, взявшего в руки оружие, то, во всяком случае, в единое стремительное целое со своим скакуном. Лишившись коня во время военной кампании, он мог лишь беспомощно стоять на обочине, положив седло себе на голову и безмолвно взывая к милости какого-нибудь сильного мира сего, который даст ему новую лошадь.

Сипахи были разбросаны по империи и всегда находились в движении: с постоя на постоя, а оттуда – на войну. На протяжении всей своей истории они сохраняли частицу вольного духа гази и некоторые из их обычаев. Они носили шкуры. Они упражнялись в стрельбе, как степные кочевники: проносились на полном скаку мимо медного шара и, развернувшись в седле, пускали в него стрелу. Сигналом собираться на войну перед стамбульскими воротами Эдирнекапы или на берегу Босфора в Скутари для них был воткнутый в землю бунчук с конским хвостом. Когда кавалериста приговаривали к смерти за то, что его конь потоптал посева у дороги, коня казнили вместе с седоком.

Мечтой каждого всадника было поступить на службу в регулярную армию и получить *тимар*, доход с которого позволял его владельцу заниматься только военным делом. Больные, пишет Райкот¹⁷, приказывали нести себя на войну в постелях, тимариотов грудного возраста привозили в люльках. Тимар был не более чем удобной формой платы за военную службу – владение им означало, что тимариот получает право, в соразмерности со своими заслугами, собирать часть государственных налогов и оставлять их себе. Вся земля империи и все налоги населяющих ее людей принадлежали султану, который часть своих доходов отдавал напрямую подданным в обмен на службу. Рядовой кавалерист получал доходы с тимара – например, маленькой деревни. Его командиру могли выделить *зеамет* – доход с нескольких небольших деревень и, может быть, с рынка. Высшие чиновники провинции получали *хас*, представлявший собой совокупность разного рода доходов, собираемых в зем-

¹⁷ Сэр Пол Райкот (1628–1700), английский торговый агент в Смирне, пользовавшийся уважением и любовью практически всех, кто был с ним знаком, написал несколько книг об Османской империи и жизни ее религиозных общин. Его «История» была издана в 1679 г. в качестве дополнения к написанной в 1604 г. «Истории турок» Кнолла. Райкот был опечален тем, что его работа «ужата до пятидесяти листов и сделана приложением к устаревшему и невразумительному сочинению», – однако книгу хорошо приняли в Европе. Позже он занимался торговлей в Гамбурге и первым из англичан позаимствовал у немцев манеру спать под пуховым одеялом.

лях, которыми они управляли от имени султана. Источники этих доходов могли быть разбросаны по провинции, но чаще были сосредоточены в городе, в пределах непосредственной досягаемости жившего там должностного лица. Это были разнообразные городские налоги и пошлины: мостовой сбор, базарный сбор, налог на очаги и так далее. Каждый сипахи обязан был в военное время выставлять определенное количество вооруженных людей: тимариот – одного-двух, владелец зеамета – пятерых-шестерых, а бей должен был являться на сбор во главе всей своей челяди: оруженосцев, всадников, рабов.

Никто из них не обладал правом собственности на свою землю, никто из них не владел крестьянами: тимариот был лишь назначенным сборщиком определенных налогов, которые сегодня он мог собирать в одном уголке империи, а завтра – совсем в другом, если ему необходимо было туда переехать. Сыновья тимариота не получали никакого наследства, за исключением естественной благорасположенности командиров к тем из них, чьи отцы прославились особой доблестью; старший сын, если он был уже достаточно взрослым человеком, обычно получал тимар, доход с которого равнялся примерно трети доходов отца. Когда границы империи расширялись, сипахи мог быть перемещен на новую территорию; за военные подвиги его могли наградить; однако он оставался целиком и полностью в распоряжении султана, которому принадлежало и все его имущество.

Со сменой одного поколения другим ресурсы империи неизменно подвергались ревизии. Налоги, пошлины, расходы, денежные вознаграждения, рыночные сборы, стоимость земель и крестьянского имущества – все тщательно пересчитывалось, чтобы можно было постоянно регулировать и корректировать распределение тимаров. «Ссади турка с коня, – было однажды сказано, – и получишь чиновника». Однако каждый чиновник империи продолжал, пусть и в переносном смысле, чувствовать под собой седло, и каждый, от самого скромного писаря в дворцовой канцелярии до двух высших судей империи, кадиаскеров (один ведал армейскими судебными делами в Анатолии, другой – в Европе), верил, что вносит свой вклад в военные успехи султана.

Немалую часть доходов империи обеспечивали бесконечные военные походы – они приносили добычу всем¹⁸, новые источники налогов государству, новые тимары простым сипахи и новые пашалыки сильным мира сего. Османская империя была первым со времен римлян государством Европы, имевшим постоянную армию, которую она содержала, кормила и поддерживала в боеспособном состоянии, проявляя непревзойденные чудеса организации. В 1683 году, когда двухсоттысячная османская армия двинулась на Вену, каждый ее солдат ежедневно получал на ужин свежий хлеб; а в 1548-м, когда турки шли войной на персидского шаха (шли очень быстро – потому, как говорят, что командование опасалось, как бы местное шиитское население не заразило их своей ересью), они обрушивались на врага с уже заряженными пушками и зажженными фитилями, отлично зная, что персам дотопле с подобной тактикой сталкиваться не приходилось. Снабжение армии всем необходимым для жизни было так прекрасно продумано и организовано, что она смогла несколько недель подряд спокойно продвигаться по территории, разоренной отступающими войсками шаха, которые пытались воспользоваться тактикой выжженной земли.

¹⁸ Значение военных трофеев для поддержания боевого духа солдат османской армии невозможно переоценить. Венгрия лишилась в войне с империей множества деревьев и даже цветов, причем они были не уничтожены, а украдены.

* * *

В лагерях западных армий царили неразбериха, пьянство и распутство. Обстановка в османском военном лагере напоминала чинный званый ужин. Тишину и спокойствие нарушали лишь постукивание молотка, которым забивают колышки шатра, покашливание верблюдов да бульканье котлов с варящимся рисом. «Думаю, в мире нет правителя, – писал византийский хронист Халкокондил, – чье войско и лагерь пребывали бы в лучшем порядке. Они всегда располагают изобилием съестных припасов, а лагерь разбивают без малейшей суеты и замешательства». Когда итальянский путешественник XVIII века граф де Марсильи отмечал, что османы еще не до конца расстались со своим кочевым прошлым, он имел в виду в первую очередь шатры. Османский мир изобиловал ими. Одни шатры защищали от раскаленного солнца пустыни, другие – от балканских дождей. Пророк Мухаммед пользовался шатром, святые суфии разбивали шатры на небесах. Подлинным моментом основания империи было строительство Топкапы – шатров, сделанных из камня. Подлинная сила империи заключалась в способности стремительно перемещать самое себя в пространстве. Так, во время последней осады Вены подле австрийской столицы вырос полотняный город – причем он был больше ее и куда более упорядоченно устроен; в нем даже были оранжерея и сад для великого визиря. «Вот он, османский порядок», – писал Турсун-бей о том, с какой поразительной быстротой и завидной аккуратностью турки разбивали лагерь после дневного марша, так что за какой-то час посреди полей и лугов вырастал целый город. Костры янычар, на которых готовился ужин, разгоняли вечерние сумерки, а вокруг шатра султана выстраивались просители, посыльные и должностные лица точно в том порядке, который был предписан субординацией. В XV веке подобная картина привела Бусбека в восторг, а в XVIII, когда туркам уже редко удавалось бряцать оружием с надлежащей степенью убе-

дительности, она поразила леди Мэри Уортли Монтегю, которая вообще-то находила все, связанное с военным делом, ужасно скучным.

Четыре столба шатра схематически представляли организацию высшей власти в государстве: великий визирь, казначеи, судьи и дворцовая канцелярия. При вступлении на трон каждый султан заказывал себе личный шатер, изготовление которого занимало несколько лет. Галлан видел такой шатер, сшитый из чистого атласа, когда тот поставили посреди Ипподрома, дабы каждый мог на него подивиться. Его поддерживало шестнадцать столбов, а стенки были расшиты листовным орнаментом.

Армия проводила в лагерях по пять месяцев в году, и идеальный порядок служил не только тому, чтобы солдаты выходили на поле боя полными сил, – он также превращал лагерь в своего рода сборно-разборную крепость, поскольку паутина натянутых повсюду бечевки защищала его от внезапного нападения. Один из первых европейцев, наблюдавших жизнь османов, полагал, что они «устраиваются с большей роскошью в поле, нежели у себя дома». Длина окружности шатра, принадлежащего великому визирю, по сообщению путешественника делла Валле, составляла полмили; перед ним находилась обширная площадь, весьма напоминающая двор в султанском дворце, а в сам шатер вела «просторная ротонда с высокой крышей из ткани, в которой находились слуги и прочая челядь». Вокруг площади стояли зеленые шатры (делла Валле полагал, что зеленые они для того, чтобы быть незаметными на фоне травы). Столбы, поддерживающие полог над проходом, были выкрашены в красный цвет, а пол устлан огромными коврами, по краям которых сидело на корточках множество людей низшего звания, которые в случае появления какого-нибудь сановника разом вставали, приветствуя его в полнейшей тишине. Пройдя внутрь шатра, гость видел другие шатры, поменьше, – жилые помещения, все из шелка, расшитого золотом. Даже конюшни размещались в шатрах и обладали «всеми удобствами, какими может располагать роскошный дворец».

Сипахи имели право продавать износившиеся шатры. Когда янычары, расквартированные в Стамбуле, желали выразить свое недовольство, они переворачивали свои полковые котлы и отказывались принимать от султана пищу; однако во время похода мятеж начинался с того, что янычары перерезали бечевки шатра командующего, и роскошные атласные стены падали в грязь.

* * *

Венецианец Морозини, не имевший ни малейшего желания восхищаться Османской империей, нехотя признавал, что система, принятая турками, позволяет султану «содержать такую огромную армию, какую не смог бы создать ни один другой правитель, даже если бы он ежегодно тратил на своих солдат по десять с половиной миллионов золотых дукатов». Западные феодальные правители, желающие собрать армию, были вынуждены обхаживать своих вассалов или угрожать им, торговаться с могущественными магнатами или гражданами вольных городов, или же брать огромные займы – а османская армия собиралась мгновенно, причем содержание всем ее солдатам было уже выплачено. «В бою они никогда не проявляют ни малейшей заботы о своей жизни; они могут долгое время обходиться без хлеба и вина, питаясь ячменем и запивая его водой». Западный рыцарь отдал бы такую еду своему коню. Большое преимущество над западными армиями при войне на чужой территории туркам давали также верблюды, поскольку верблюд может нести на себе 250 килограммов – вдвое больше лошади, и только одно животное из четырех (а не одно из двух, как в случае с лошадьми) должно везти свое собственное пропитание.

Османы тщательно изучали все аспекты войны, не упуская ни единого источника информации. Разветвленная шпионская сеть доносила точные сведения о силе и передвиже-

ниях противника, а также о разного рода затруднениях, которые он испытывает и которыми можно воспользоваться. Зимой каждая последняя кампания становилась предметом подробного анализа. Изучалось, насколько оправданным было применение новых способов ведения войны, тактических схем и видов оружия. Отмечались просчеты – как свои, так и противника. Тем временем уже начиналась подготовка к следующей войне, по империи летели распоряжения: доставить тридцать тысяч верблюдов из Магриба, заказать рубахи ткачам в Салониках; наместники провинций, лежащих на пути, по которому пойдет армия, наполняли склады продовольствием, взымали с кочевников налог овцами и направляли местных жителей ремонтировать мосты и дороги в счет налогов. (Впрочем, в армии имелся собственный корпус, задачей которого был ремонт дорог, а также корпус, разбивавший шатры для лагеря, и корпус хлебопеков.) Готовился резерв для поддержания порядка в тылу, а войска приграничных гарнизонов получали приказ совершать небольшие вылазки на территорию противника, чтобы измотать его к подходу основных сил османской армии.

И вот наконец 23 апреля, в День святого Георгия¹⁹, движение начиналось в самом дворце. Словно торговое судно, внезапно открывшее замаскированные орудийные порты и поднявшее пиратский флаг, дворец превращался в маневренную боевую машину. Алебардщики, чьи длинные волосы закрывали им глаза, словно шоры, когда они приносили дрова в гарем, становились фуражирами. Дворцовые портные, сапожники и лекари упаковывали свои инструменты, чтобы доставать их потом в каждом лагере. Псаря, сокольничие, садовники и гребцы султанской барки собирались под знаменами, словно янычары, которыми они, в сущности, и были, и готовились выступить в поход. Главный садовник возвращался к своей летней профессии палача, готовый казнить любого, кто нарушит прославленный порядок османского войска в походе. Юные слуги, чьи обязанности зимой заключались в том, чтобы, скажем, зажигать свечи в опочивальне султана, или читать нараспев Коран, или одевать султана по утрам, вскакивали на арабских жеребцов и формировали особый отряд вокруг своего повелителя. Садлись в седло кадиаскеры Анатолии и Румелии. Кадий Стамбула готовился принять на себя временные обязанности правителя города. Флот выходил в Дарданеллы. В землю втыкали бунчуки – в Скутари или у Белградских ворот, в зависимости от того, где предполагалось вести кампанию, и войско выступало в поход – не только подданные, но и все правительство; каждый занимал определенное ему место, и империя начинала дело, которое удавалось ей лучше всего и, по всей видимости, нравилось больше всего: шла на войну.

¹⁹ Турки были весьма удивлены, обнаружив в греческих церквях изображение Георгия Победоносца: они считали его своим.

Бейлербей

* * *

Пока армия двигалась по старой военной дороге, ведущей к Белграду, к ней в стройном порядке присоединялись войска местных народов – столько, сколько нужно: конные отряды славянских войнуков, унаследованные султанами от прежних балканских правителей; профессиональные мародеры, по большей части христиане, которые служили также в гарнизонах крепостей и на речном флоте; молчаливые *дербенджи*, охранявшие горные перевалы; конные скотоводы с холмов Валахии – по одному мужчине из каждой пятой семьи. На всем протяжении марша к армии стекались все новые и новые люди, в основном христиане, готовые рыть подкопы, тянуть на бечеве баржи, делать оружие и изготавливать порох. Армия разрасталась до ста с лишним тысяч, но могли подойти и новые подкрепления: крымские татары, войска вассальных Молдавии и Валахии, усатые трансильванцы. Все они являлись по первому зову и платы не требовали, меж тем как противник пытался наскрести деньги по сусекам и умолял своих подданных взяться за оружие.

Выход войска из столицы был ярким зрелищем, и редкий иностранец упускал случай его увидеть. Делла Валле наблюдал его в 1615 году. Впереди несли привязанные к пикам флаги, желтые и красные; затем попарно ехали на лошадях чавуши и шли артиллеристы с аркебузами и кривыми саблями. Далее следовала большая группа пехотинцев, которые несли оружие, вырезанное из дерева (делла Валле решил, что это символ государственной власти и правосудия), а за ними – сипахи Румелии, вооруженные луками и стрелами (но не пиками, поскольку их участие в той кампании не предусматривалось) и одетые в звериные шкуры, подобно древнегреческим героям.

Затем шли новобранцы-янычары и их ага, белый евнух, за ними несли знамена янычарского корпуса и верхом ехали командиры янычар. Проход рядовых янычар, появившихся следом плотной нестройной толпой²⁰, занял довольно долгое время. «На них не было никаких доспехов, а все оружие составляли кривые сабли, аркебузы и маленькие топоры или лопатки, висевшие на поясах. Они нужны скорее для рытья земли и рубки деревьев, нежели для боя; и все же это оружие, которое следует уважать, ибо оно играет важную роль при штурме городских укреплений».

Толпе, собравшейся посмотреть на войско, демонстрировали деревянное оружие, деревянные пушки и маленькие галеры, на которые были посажены куклы в западных головных уборах; над ними многозначительно раскачивались топоры. За агой янычар шли четыре знаменосца со свернутыми флагами, за ними – толпа дервишей, которые пели, плясали и кружились вокруг своей оси, далее несли зеленый флаг эмиров и ехали верхом сами эмиры, в зеленых тюрбанах и без оружия. Проехали кадии Константинополя и шесть главных привратников дворца. Пронесли султанские штандарты, три из которых с конскими хвостами, потом еще флаги, знамя Пророка, «зеленое и странной формы». Прогарцевали лошади великого визиря, покрытые свисающими до земли попонами и сопровождаемые конюхами в одеждах под цвет попонам. Некоторые из конюхов ехали верхом, другие вели лошадь под уздцы; под одеждой на них были надеты кольчуги, на головах – кольчужные капюшоны и маленькие шапочки; вооружение – луки и стрелы. Затем – высшие правоведы империи. За ними – визири, составляющие вместе с великим визирем совет при султанине – диван. Далее – глава белых евнухов, распорядитель внутренней жизни дворца, который исполнял обязанности великого визиря в тех случаях, когда тот находился в отъезде (он, собственно, в тот раз и устроил так, что великого визиря поставили во главе отправляющейся в поход армии). Рядом с ним – великий муфтий, высший религиозный сановник империи, «весьма благообразный человек с самой пышной и достопочтенной бородой, какую мне только случалось видеть в жизни», – вспоминал делла Валле, прибавляя, что туркам свойственно «судить о храбрости и уме человека по его внешнему виду и бороде».

Наконец, окруженный пехотинцами, появился сам великий визирь в тюрбане с плюмажем из перьев цапли; он улыбался и благосклонно кивал толпе (делать это имели право только он сам и султан). За великим визирем следовали новые эскадроны сипахи, вооруженные пиками, луками и стрелами; на некоторых были легкие кольчуги. Далее показалась конница великого визиря, также снаряженная, но с другими флажками; всадники были облачены в кольчуги и шлемы без забрала, а лошади покрыты спускающимися до земли попонами, расшитыми золотом, и стремяна у них были тоже золотые. Это, думал наш очевидец, было, пожалуй, самое великолепное зрелище дня. Между тем армия погрузилась на корабли и отбыла в Азию под орудийный салют.

Вся процессия производила впечатление величайшего каравана мира, отправляющегося за верной прибылью на дальние окраины империи, чтобы осенью вернуться с огромной добычей. Когда в поход выступал сам султан, его окружала конница, состоящая из его дворцовой челяди, причем справа от него находились исключительно левши: когда все эти всадники одновременно доставали стрелы из колчанов, получалась симметричная картина. Сзади двигалось великое множество вьючных животных: тысячи лошадей и тысячи верблюдов, ведомых бедуинами, и волы, тянущие тяжелые пушки. Янычары переставали брить бороды, чтобы выглядеть еще более сурово.

В авангарде армии, поднимая облако желтой пыли, скакали официально не состоящие в армии добровольцы-*акынджи*, готовые кормиться тем, что награбят на вражеской территории, и живущие надеждой, что смогут, проявив доблесть в сражении, добиться зачисления

²⁰ Обычай маршировать в ногу был забыт вместе с римскими дорогами и возродился после изобретения дегтебетона.

в регулярное войско: во время одной кровопролитной атаки, рассказывает Райкот, один и тот же тимар сменил владельца восемь раз. Летучие отряды акынджи, по большей части уроженцев Анатолии, играли важную роль в общем успехе кампании, совершая дальние вылазки – добирались до Штирии, Саксонии и Баварии, жгли посевы на Рейне, – и их присутствие в тылу противника оказывало на него сильное деморализующее воздействие.

В крупных сражениях и при осадах это пушечное мясо тоже было весьма полезно: акынджи налетали на вражеские ряды, подобно пыльной буре, шли на укрепления с голыми руками и сильно выматывали неприятельских солдат задолго до начала настоящей битвы. Во время осады Белграда янычары шли на штурм стен, проходя по телам акынджи, доверху заполнившим ров. Снова и снова им удавалось заманивать неосторожных врагов в ловушку с помощью тактики ложного отступления.

* * *

Попытка Венгрии сдерживать натиск турок в низовьях Дуная провалилась в 1396 году под Никополем, и все же у одной только Венгрии был шанс остановить продвижение турок в Центральной Европе. Сознавая это, сербы в 1426 году передали венграм Белград, который должен был стать ключевым звеном южной оборонительной линии. На протяжении столетия Венгрия постоянно поддерживала династические союзы с Богемией, Польшей и Австрией, но тяготы ведения оборонительной войны все равно ложились главным образом на нее, так что, хотя блестящему полководцу Хуньяди и удалось отстоять Белград в 1456 году и он чуть было не прорвался к Эдирне в 1451-м, ему всегда фатально не хватало денег и оружия. Его сыну Матиашу, ставшему королем Венгрии в 1456 году, ресурсов хватало только на то, чтобы организовать более-менее эффективную оборону своих собственных границ.

Османы тем временем прибирали Балканы к рукам. Сербия вошла в состав империи в 1459 году, Босния – в 1463-м, Пелопоннес – в 1460-м. Албания была покорена в 1468 году, после смерти ее великого воина Скандербега. В 1455 году Молдавия, вслед за Валахией, стала данницей султана. Обоим этим княжествам, богатым пшеницей, лесом, медом и мехами, нечего было противопоставить военной силе турок. Кроме того, империя в любой момент могла обрушиться на них жестокою орду крымских татар, чей хан стал вассалом султана в 1475 году. Поскольку все силы Венгрии уходили на оборону собственных земель (пограничные Смедерево и Галамбоц были взяты турками в 1439-м), непосредственная оккупация дунайских княжеств представлялась излишней. Их правители стали вассалами султана, позже он стал сам их назначать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания